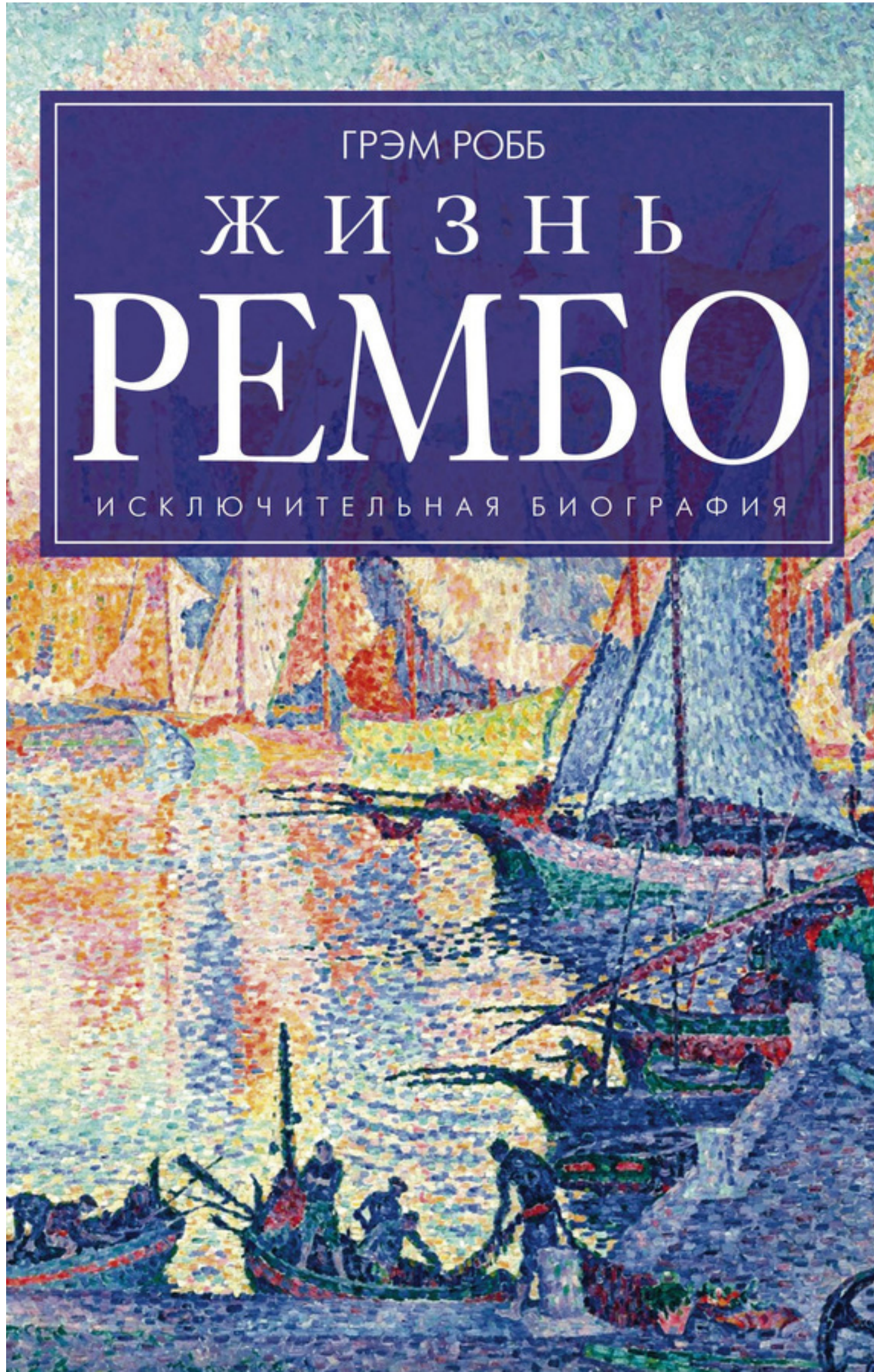

ГРЭМ РОББ

ЖИЗНЬ РЕМБО

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

Грэм Робб
Жизнь Рембо

«Центрполиграф»

2000

УДК 89-929
ББК 83.3(4Фра)

Робб Г.

Жизнь Рембо / Г. Робб — «Центрполиграф», 2000

ISBN 978-5-227-06939-9

Жизнь Артюра Рембо (1854–1891) была более странной, чем любой вымысел. В юности он был ясновидцем, обличавшим буржуазию, нарушителем запретов, изобретателем нового языка и методов восприятия, поэтом, путешественником и наемником-авантюристом. В возрасте двадцати одного года Рембо повернулся спиной к своим литературным достижениям и после нескольких лет странствий обосновался в Абиссинии, где снискал репутацию успешного торговца, авторитетного исследователя и толкователя божественных откровений. Гениальная биография Грэма Робба, одного из крупнейших специалистов по французской литературе, объединила обе составляющие его жизни, показав неистовую, выбивающую из колеи поэзию в качестве отправного пункта для будущих экзотических приключений. Это история Рембо-первопроходца и духом, и телом.

УДК 89-929
ББК 83.3(4Фра)

ISBN 978-5-227-06939-9

© Робб Г., 2000
© Центрполиграф, 2000

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. 1854–1871	10
Глава 1. Дурная кровь	10
Глава 2. Грязь	19
Глава 3. «Идеальный маленький монстр»	27
Глава 4. «Безумное честолюбие»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Грэм Робб Жизнь Рембо

© 2000 by Graham Robb
© «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

*Каждое живое создание, как мне казалось, должно иметь за собой
еще несколько жизней.*

Бред II, Одно лето в аду

Неизвестный вне авангарда на момент своей смерти, Артюрь Рембо (1854–1891) оказал невероятно разрушительное и вместе с тем освобождающее влияние на культуру XX века. Он был первым поэтом, разработавшим научно достоверный метод изменения природы бытия, первым, кто использовал гомосексуальность как модель для социальных изменений, и первым, кто отрекся от мифов, которые до сих пор формируют его образ.

В начале двадцатых годов XX века отречение Рембо от поэзии вызвало более долговечный, широко распространившийся ужас, чем распад «Битлз». Однако метаморфозы его личности начались еще в середине 1880-х, во времена, когда французские декаденты провозгласили его «мессией». Уже тогда началась череда его перевоплощений. Не переставая путешествовать (Рембо побывал в тринадцати странах), он вел жизнь фабричного рабочего, репетитора, попрошайки, докера, наемника, матроса, исследователя, торговца оружием, контрабандиста, менялы и, в представлении некоторых жителей Южной Абиссинии, мусульманского пророка.

Рембо в значительной мере в ответе за создание образа художника-бунтаря. «Мятежный поэт, и величайший из них», – сказал Альбер Камю¹. Стихи, которые он оставил как ненужный багаж, оказались литературными бомбами замедленного действия: *Le Bateau ivre* («Пьяный корабль»), загадочный сонет *Voyelles* («Гласные»), произведения в прозе *Une Saison en Enfer* («Одно лето в аду»), *Illuminations* («Озарения»), а также несколько малоизвестных шедевров и непристойные дофрейдовские пародии из *Album zutique* («Альбом зютистов»).

В своей посмертной карьере символиста, сюрреалиста, битника, ученого-революционера, рок-поэта, пионера гомосексуальности и вдохновенного наркомана, Рембо считался четырьмя поколениями авангардистов аварийным выходом из дома условностей. «Вся известная литература, – по словам Поля Валери, – написана на языке здравого смысла, за исключением Рембо»².

Ирония в том, что эксперименты Рембо, называемые «алхимией слова», способствовали утверждению положения, что литературные тексты должны изучаться в клинической изоляции от непрофессионального сумбура жизни. В наибольшей степени его влияние сказалось на писателях, музыкантах и художниках, которые считали его жизнь неотъемлемой частью своей работы: Пабло Пикассо, Андре Бретон, Жан Кокто, Аллен Гинсберг, Боб Дилан, Джим Моррисон... Согласно некоторым источникам, последний сфабриковал собственную смерть в Париже и отправился по следам Рембо в Эфиопию.

В отличие от многих антигероев, ведущих респектабельную жизнь за пределами творческой деятельности, Рембо вел далеко не примерную жизнь. Список его преступлений в несколько раз длиннее, чем список стихов, опубликованных самим Рембо. Во временном промежутке с момента, когда он впервые сбежал в Париж (1870), и до последнего письменно зафиксированного поэтического произведения (1875) самые длинные тексты в его переписке – это письмо, в котором он описывает свой план становления «ясновидцем» с помощью «мотивированного расстройства всех чувств», а также его показания брюссельской полиции после того, как в него стрелял его любовник, поэт Поль Верлен.

Первый биографический текст, посвященный Рембо, – если не брать в расчет льстивые заметки школьных лет, – был написан по этому случаю полицейским констеблем: «В отноше-

¹ Camus, 115.

² Cahiers (1899), цит. Robinson-Valéry, в Guyaux, ed. (1993), 276.

нии морали и таланта этот *Rimbaud* в возрасте между 15 и 16 годами – настоящее чудовище. Он умеет сочинять стихи, как никто другой, но его произведения совершенно непонятны и отвратительны»³.

С юности Рембо и по сей день оценки его личности и творчества были и остаются крайне неоднозначными, но неизменно эмоциональными:

«Ангельский ум, который был, несомненно, освещен светом небесным» (*Поль Клодель*)⁴;

«Создатель современных ритмов прозы и основы, на которой возникли все рассуждения подобного рода» (*Эдит Ситвелл*)⁵;

«Духовность самого высокого ранга в теле злобного и ужасного ребенка» (*Жак Ривьер*)⁶;

«Подлинный бог полового созревания» (*Андре Бретон*)⁷;

«Первый поэт цивилизации, которая еще не родилась» (*Рене Шар*)⁸;

«Самодовольный умственный дегенерат с выраженными осложнениями токсического бреда в период литературного производства» (*д-р Жакман-Парле*)⁹;

«Конституциональный психопат» (*д-р Ж. Лакамбр*)¹⁰;

«Первый панк-поэт... Первый парень, который высказался об освобождении женщин, как никто другой, заявив, что когда женщины освобождаются от долгого порабощения мужчинами, они действительно начинают изливать душу. Новые ритмы, новые стихи, новые ужасы, новые красоты» (*Патти Смит*)¹¹.

Некоторые из этих высказываний указывают на то, что поэзия Рембо является не только мощным умственным стимулятором, но и способна создавать благодатную среду для фантазий и иллюзий. Великий разоблачитель буржуазных общества и литературы, он задыхался в окружающих его мифах. Даже сейчас в Интернете легенды и выдумки о Рембо распространяют более быстрыми темпами, чем вариации жизнеописаний более поздних скитальцев и провидцев, таких как Брюс Чатвин и Курт Кобейн.

Благоговейный тон был установлен сразу же после смерти Рембо. С ужасом обнаружив, что газеты изображают ее брата как непристойного гомосексуального террориста, Изабель Рембо посвятила себя задаче очистки его репутации. «Возможно ли, – задавалась она вопросом, – чтобы мальчик 15–16 лет мог стать злым гением Верлена, который был на одиннадцать лет старше его?»¹². Биографический труд ее мужа Паттерна Берришона *La Vie de Jean-Arthur Rimbaud*, который он чуть было не назвал *La Vie charmante de Jean-Arthur Rimbaud* («Жизнь очаровательного Жана Артюра Рембо»), часто высмеивают, но он остается на удивление авторитетным.

Одной из отправных точек этой биографии было открытие, что образ Рембо по-прежнему слабое отражение очевидного. Измышления Изабель Рембо давным-давно разоблачены, но и в новых монографиях по-прежнему цитируются согревающие сердце фразы из писем, которые, как известно, были поддельными или с вычеркнутыми нежелательными местами.

Многие биографы Рембо, очевидно, предпочитали сентиментальные приключенческие рассказы о школьном периоде жизни поэта ранних мемуаристов Рембо собственному беспощадному цинизму поэта. Колониальное прошлое стало поводом для ностальгии, и истинное

³ Martin (1 августа 1873 года).

⁴ PBP, 289.

⁵ Sitwell, 39.

⁶ Rivière, 58.

⁷ Breton, 1014.

⁸ Цит. по P. Brunel, в Guyaux, ed. (1993), 331.

⁹ Un diagnostic médico-littéraire (1929): Étiemble (1984), 91.

¹⁰ L'Instabilité mentale à travers la vie et l'oeuvre littéraire de Jean-Arthur Rimbaud (1923): Étiemble-Gauchère, 17.

¹¹ Bockris, 25 и 59.

¹² OC, 772

лицо Рембо было стерто до предпубертатной пустоты юного Тинтина из детских книжек Эрже, выставляя напоказ ложную невинность Рембо в мире коварных туземцев.

Для многих читателей (включая и того, о ком речь ниже) открытие поэзии Рембо является одним из решающих событий в подростковом возрасте. Чтение его произведений не влечет за собой потерю невинности, но помогает осознать, что невинность имеет гораздо больше возможностей, чем предполагалось ранее. Такие читатели неизбежно заинтересованы в сохранении Рембо молодым, и, возможно, как подразумевал Ивлин Во в первых строках романа Скоор («Сенсация») (1938), жизнь Артюра Рембо не является темой для взрослых: «Будучи еще молодым человеком, Джон Кортни Бут, как возвестил его издатель: «добился уверенного и завидного положения в современной литературе». Опубликовав в восемнадцать лет первую книгу о жизни Рембо, на данный момент он выпустил восемь книг, последней из которых стала «Напрасная трата времени» – старательное описание нескольких душераздирающих месяцев среди индейцев Патагонии»¹³.

Я постарался, по крайней мере, позволить Рембо вырасти. Однажды проигнорировав его постпоэтическую жизнь из желания чистоты текстов, я обнаружил, что исследование его жизни в Аравии и Африке – просветительское и ободряющее путешествие. Этот период его жизни оказывается важной главой в истории борьбы за Африку. Он, кроме того, ретроспективно отражает все им написанное.

Как и все великие поэты, Рембо был гениальным манипулятором. Каждому почитателю таланта вечно юного поэта, воспринимающему его стихи как пророческое бормотание вдохновленного «ясновидца», следует знать, что за исключением Виктора Гюго ни один французский литератор конца XIX века не оказал большего влияния на имперскую политику и не зарабатывал больше денег, чем Артюр Рембо.

Мой собственный опыт пребывания в городских и сельских районах Восточной Африки был менее полезен при написании этой книги, чем «суровая реальность» литературных исследований. Слишком легко оставаться привязанным к старым образам и представлениям, когда ум занят разговорниками, расписаниями, москитными сетками и таблетками для очищения воды. Ничто не может заменить жестокий шок от получения поддающейся проверке информации: вновь найденных писем, отчетов других путешественников по Абиссинии, отчетов о деловых сделках Рембо и карт его походов по одной из крупнейших в мире Terra incognita.

Биографии тех, кто отправился на поиски Рембо и даже пытался жить его жизнью, в значительной степени схожи в своих выводах с выдумками биографов, не отходивших от своих письменных столов. Дорожные заметки Рембо принадлежат к отдельному жанру. В данной работе я не преследовал цель педантично восстановить этот отрезок жизни поэта. Тем, кто желает более детально изучить «африканский период» жизни Рембо, следует обратиться к сочинению Алена Борера Rimbaud en Abyssinie («Рембо в Абиссинии») или отдать дань уважения неприкрашенному, но вместе с тем лирическому исследованию Чарльза Никола Somebody Else: Arthur Rimbaud in Africa 1880–91 («Кто-то еще: Артюр Рембо в Африке, 1880–91»).

Разоблачение мифов и развенчание заблуждений – приятная, но в конечном счете бесполезная и даже самообманная деятельность. В Зеркальном зале репутации Рембо существует по крайней мере столько Рембо, сколько *личного* в его произведениях. Как продолжают демонстрировать исследователи, изучающие жизнь и творчество Рембо, с ежегодным средним выпуском десяти книг и восьмидесяти семи статей, его поэзия – это не литературный эквивалент «живому» концерту, а сложный патологически неоднозначный труд. В отличие от многих современников Рембо помнят не за нравоучительные остроты, вызывающие общий шепот согласия, но за загадочные лозунги со всей полнотой и многообразием их интерпретаций:

¹³ Waugh (1938), 5. Во сам надеялся найти сына [Рембо] смешанной расы, содержащего магазинчик на какой-то отдаленной улочке Харара: Waugh (1931), 88.

«Подлинная жизнь отсутствует», «Я есть некто другой», «Любовь надо придумать заново», «Настало время убийц», которые Генри Миллер связывает с тысячелетним хаосом и ядерной войной¹⁴, а тезис о «мотивированном расстройстве всех чувств» часто понимается неверно, из-за того что цитируется без определения «мотивированное».

С момента публикации последней полной биографии Рембо Пьера Птифиса (1982) и исследования Жан-Люка Штейнметца (1991) появилось много новой информации. В 1998 году на аукционе Друо¹⁵ было продано одно из писем Рембо-школьника за 3,5 миллиона франков. Основные открытия внесли ясность в толкование и хронологию переломных моментов жизни Рембо: его анархистской активности, его отношений с Верленом, его поэтических изысканий, экспедиций с контрабандным оружием, финансовых, политических и религиозных взаимодействий с рабовладельческими сообществами Африканского Рога.

Я не нашел того Рембо, которого ожидал найти, и я не ожидал, что, работая над этой книгой, потрачу столько же времени, сколько Рембо потратил, создавая свои литературные творения, каждое из которых представляет различные стадии в истории современной поэзии. Жаль, что он не посвятил поэзии вдвое больше времени... Рембо бросил писать стихи, но немногие люди, обрета к ним вкус, перестают их читать.

Вполне закономерен вопрос: почему эта 450-страничная реконструкция жизни Рембо – не научное исследование по сути, а книга для чтения – заканчивается разделом примечаний. Примечания предназначены для подтверждения заявлений, чтобы содействовать дальнейшим исследованиям и подтвердить факт, что каждая биография – это акт сотрудничества. Иными словами, примечания и библиография – это продолжение раздела благодарностей.

Все эти люди, чьи имена перечислены ниже, предоставили мне информацию или помогли найти ответы на разнообразнейшие вопросы – от небольших и легко разрешимых до нудных, безбрежных и не имеющих ответов: Дамиан Аткинсон, Жан-Поль Авис, Мишель Бри, Элизабет Чепме, Маста Эбтахадж, Андре Гвий, Джеймс Хиддлстон, Стив Мерфи, Джеймс Пэтти, Клод и Винсент Пишуа, Рэймонд и Хелен Поггенбург, Джон Вагштафф и Фил Уитакер. Я благодарен сотрудникам Библиотеки Института Тейлора в Оксфорде, Библиотеки факультета современных языков (Оксфорд), Бодлианской библиотеки Оксфордского университета, Государственного архива Великобритании, Национальной библиотеки Франции и Музея Артюра Рембо в Шарлевиле.

Таня Стоббс и Питер Штраус из издательства Picador, Старлинг Лоуренс из Norton, Хелен Дор и мой агент Гилл Кольридж – благодаря им создание книги о жизни Рембо оказалось неуместно счастливым опытом.

Стивен Робертс прочитал то, что должно было стать окончательной версией, и осветил несколько темных мест.

Драгоценные комментарии Маргарет были моим основным и глубинным мотивом для написания этой книги.

Грэм Робб, Оксфорд

¹⁴ Miller, IX.

¹⁵ ARPV (распродажа коллекции Jean Hugues, большая часть которой была куплена Национальной библиотекой Франции (Bibliothèque Nationale de France), Библиотекой искусства и археологии Жака Дусе, Париж и Музеем Рембо).

Часть первая. 1854–1871

Глава 1. Дурная кровь

Мне совершенно ясно, что я всегда был низшей расой. *Дурная кровь, Одно лето в аду*¹⁶

Большинство поэтов-романтиков практиковало хирургические операции на своих родословных деревьях, делая прививки из аристократов и обрезая ничего не значащие ветки. Рембо вырвал свое дерево с корнем и бросил его на кучу мусора из древних безликих идиотов: «Если бы я имел предшественников в какой-либо точке истории Франции! Нет никого! Мне совершенно ясно, что я всегда был низшей расой. [...] Моя раса всегда поднималась лишь для того, чтобы грабить: словно волки вокруг не ими убитого зверя»¹⁷. Рембо размышлял о своей фамилии. В разное время слово *ribaudo* (от *rimbaldus*) означало проститутку, распутника, бандита-прелюбодея, солдата, который вступил в ряды войск лишь ради наживы¹⁸. Многие из его современников, пожалуй, сочли бы это честным описанием поэта: Рембо по имени, *rimbaud* по натуре.

За три года до рождения Рембо (20 октября 1854 г.) Наполеон основал Вторую империю путем *coup d'état*¹⁹ и узаконил ее, вернувшись, с архитектурной и административной точек зрения, к Древнему Риму. Рембо, который был свидетелем падения империи и мечтал об идеологической всепоглощающей силе, которая расплющила бы само общество, возвратился несколько дальше: «От моих галльских предков я унаследовал светлые голубые глаза, ограниченный мозг и отсутствие ловкости в драке. Моя одежда такая же варварская, как и у них. Но я не мажу свои волосы маслом»²⁰.

Это никчемное наследие, о чем говорится в «Одном лете в аду», также включает в себя идолопоклонство, любовь к святотатству, экстраординарную несостоятельность в простых повседневных трудах, все известные пороки – «особенно лень и лживость», – и, в дополнение к ним, «забвение принципов».

Это автопортрет поэта, который стал одним из наиболее авторитетных художественных гурзу XX века: альтернативная *comédie humaine*²¹ с одним действующим лицом. История, рассказанная на последующих страницах, будет неизбежно возвеличивать этого человека. Она принадлежит к древнему, оптимистичному жанру, изначально задуманному для мифологических героев и основателей религий. Но надо сказать, что за этими покрытыми толстой завесой времени главами простираются великие просторы труда Рембо. Этот необычный индивидуум, по его собственному признанию, является лицом в толпе: «деревенщиной» на фоне промышленных пейзажей и помпезных зданий, «язычником», проклятым Богом импортированной религии, «негром» без истории.

¹⁶ Здесь и далее цит. по книге: *Рембо Артюр. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду* // Издание подготовили Н. И. Балашов, М. П. Кудинов, И. С. Поступальский. Наука, 1982. (Перевод цитируемых произведений А. Рембо выполнен М. П. Кудиновым, за исключением ряда стихотворений, переведенных другими переводчиками, имена которых указаны в сносках). *Все примечания за исключением авторских сделаны переводчиком.*

¹⁷ *Mauvais sang, Une Saison en Enfer*. О настоящих предках Рембо.: Henry.

¹⁸ Это был вывод, известный в дни Рембо. Более вероятное происхождение *Rimbaldi* от слов *ragin* («совет») и *bald* («смелый») (Dauzat). Cf. Bodenham, 16–17; Coulon (1929), 23–25. В Провансе «вечерний звон» обозначается словом *cassorimbaud* (Mistral).

¹⁹ Государственный переворот (*фр.*).

²⁰ *Mauvais sang, Une Saison en Enfer*.

²¹ Человеческая комедия (*фр.*).

Несчастные рабы и неразумные иконоборцы «Одного лета в аду» гораздо более идентифицируемы в ментальном мире Рембо, чем семья его матери, Витали Кюиф. Семейство Кюиф, вероятно, было потомками племени реми, которое дало название Реймсу. На протяжении веков они возделывали каменистые поля района Аттиньи на границе с Шампанью и Арденнами. Они смутно проступают в письменной истории лишь к концу XVIII века. В 1789 году после революции некоторое церковное имущество попадает в руки прапрадеда поэта. Постепенно он по крупицам собирает небольшое имение, включающее несколько ферм. Язвительный комментарий Рембо о подъеме буржуазии – история XIX века в половине предложения – свидетельствует о том, что он все же имел кое-какие сведения о своих предках: «Любую семью я понимаю так, как свою: всем они обязаны декларации Прав Человека»²².

Мать Рембо Витали Кюиф родилась в 1825 году и выросла среди необъятных просторов сельских угодий. В незатейливый серый фермерский дом, построенный ее дедом на небольшом участке, упиралась грязная узкая дорога, что пролегала через деревушку Рош²³. Одиноким, он нарушал монотонный вид полей и деревьев вдоль ручьев. Во время Первой мировой войны немцы использовали его как наблюдательный пункт. Даже в мирное время зарешеченные окна дома и обнесенный крепостной стеной двор свидетельствовали о полной готовности отразить атаку. В молодые годы Витали тишина здешних мест была нарушена лишь единожды – во время строительства Арденнского канала, который перерезал древний путь из Реймса – дорогу, позволившую когда-то Юлию Цезарю утихомирить варваров – предков Рембо.

Витали было всего пять лет, когда умерла ее мать. Еще до того, как она научилась читать, ей пришлось заменить мать двум своим братьям и жену своему отцу. Месье Кюифу шел сорок первый год, но он так и не женился во второй раз. Витали была мощной опорой, и, возможно, с годами у них сложились особые отношения. Психолог обнаружил бы следы инцеста²⁴, чему крайне удобно было бы приписать ее феноменальную способность не проявлять склонности к «естественному влечению». Но как бы там ни было, ее душевные страдания, если таковые имели место быть, затмевались бесконечной сменой времен года, приносящих всякий раз неизменные заботы и труды. Первые двадцать семь лет жизни Витали провела, занимаясь уборкой и ремонтом дома, сбором урожая, кормлением домашнего скота и своей семьей, а также откладывая деньги для брака, который становился все менее вероятным.

После мрачной зимы 1851/52 года старый месье Кюиф решил, что настало время отойти от дел и выставить свою дочь на брачный рынок. Они переехали в процветающий городок Шарлевиль, находящийся в 40 километрах к северу на излучине реки Маас. Городок славился несколькими впечатляющими памятниками – старой мельницей, которая выглядела как часть замка, помпезной ратушей и громадной мощеной площадью Дюкаль, приземистой и растянутой версией площади Вогезов в Париже. Все излучало уверенность и свидетельствовало о стабильном достатке горожан. По ту сторону моста возвышалась старшая сестра Шарлевиля – средневековая крепость Мезьер. С другого берега на город смотрел холм, покрытый низким кустарником, известный как гора Олимп.

Месье Кюиф и его дочь сняли квартиру, окнами выходящую на юг, над книжным магазином (который существует до сих пор) в доме № 12 по улице Наполеона (теперь улица Тьера)²⁵, оживленной главной улице, ведущей к площади Дюкаль. В рыночные дни по воскресным утрам соседи видели худую девушку с каменным лицом, с руками крестьянки и мелкобуржуазными манерами. Крепость высокой нравственности, осаждаемая таинственным врагом.

²² Mauvais sang, *Une Saison en Enfer*.

²³ О мадам Рембо: Briet (1968); Lalande (1987). О фермерском доме: Lefranc (1949).

²⁴ Mijolla.

²⁵ В настоящее время улица носит имя премьер-министра Франции Пьера Береговуа (1925–1993).

Старший из ее братьев, Феликс, по неустановленной причине имел неприятности с законом и в 1841 году сбежал воевать в Алжир. Младший брат Шарль медленно спивался в родном имении. В то время как жизнь Шарля и Феликса крутилась вокруг алкоголя и армейской дисциплины, Витали нашла прибежище в религии – безжалостной, янсенистической форме²⁶ христианства, которая требовала напряженной работы без какой бы то ни было гарантии вознаграждения. Религия заполняла пробелы в ее привычной рутине и давала ей точную, неизменную меру оценки достоинств других людей. «Люди, которых следует подвергать гонениям, – говорила она своей дочери много лет спустя, – это те, кто не верит в Бога, потому что у них нет ни сердца, ни души, и их следует отправить жить с коровами и свиньями, которые им равны»²⁷.

Не сохранилось ни одного изображения Витали Кюиф, за исключением рисунка, возможно, ее второго сына Артюра. На нем резкими черными линиями изображена застывшая худая фигура, согнутая от горя или разыгравшейся мигрени, застегнутая на все пуговицы, с волосами скрытыми плотной сеткой. Витали никогда не была описана ни одним из современников, исследователи обычно изображают ее старомодной и в мрачных тонах. Это, возможно, не совсем заблуждение, но и тот факт, к примеру, что однажды она сама спустилась в семейный склеп, чтобы убедиться, правильно ли сконструирована ниша для ее тела, не обязательно обозначает мрачную подозрительную личность. Прием подгонки места упокоения был в ходу еще у шарлевильских масонов-каменщиков²⁸.

Наиболее точный образ мадам Рембо воссоздан в неоднозначном импрессионистском стихотворении ее сына *Mémoire* («Воспоминание»). Мрачный Жнец (смерть) появляется с зонтом и в грубых дорожных башмаках, разрезая горизонт пополам:

Мадам стояла слишком прямо на поляне
соседней; зонт в руке, и попирая твердо
цветок раздавленный; она держалась гордо;
а дети на траве раскрыли том в сафьяне

и принялись читать... Увы, Он удалился...
Подобно ангелам, расставшимся в дороге,
невидим за холмом. И вот Она в тревоге,
черна и холодна, бежит за тем, кто скрылся.

Хотя жизнь Витали была ограничена церковью, хозяйством и случайной игрой в вист, в 1852 году ей каким-то образом удалось познакомиться с одним французским офицером. Витали было двадцать семь лет, офицеру – тридцать восемь. Возможно, она с отцом ходила слушать военный оркестр, который играл на *Place de la Musique* (Музыкальной площади, ныне Вокзальной), изображенной Рембо в стихотворении *À la musique* («За музыкой»):

На площадь, где торчат газоны тут и там,
В сквер, где пристойно все и нет в цветах излишку,
Мещане местные несут по четвергам
Свою завистливую глупость и одышку.

Там полковой оркестр, расположась в саду,

²⁶ Янсенизм – учение религиозной секты последователей голландского епископа Янсения. Главные основы этого учения: отрицание свободной воли и вера в предопределение.

²⁷ ОС, 802.

²⁸ ОС, 799–800; cf. сатирическая версия Pierquin (150).

Наигрывает вальс, качая киверами,
Не забывает фронт держаться на виду,
Прилип нотариус к брелокам с вензелями.

Находка для рантье трубы фальшивый звук;
Пришли чиновники и жирные их дамы
В сопровождение тех, кто нужен для услуг
И чей любой волан имеет вид рекламы.

Пенсионеров клуб, рассевшись на скамьях,
С серьезным видом обсуждает договоры;
Трость с набалдашником здесь попирает прах,
И погружаются здесь в табакерку взоры.

По другой версии, брат Феликс познакомился с капитаном Рембо в Алжире и нарисовал лестный портрет своей сестры: трудолюбивая, голубоглазая девушка, которая безупречно содержит дом и претендует на значительное наследство.

Потенциальный муж, Фредерик Рембо, был сыном дочери фермера и мастера-портного из города Доль департамента Юра²⁹. В 1832 году в возрасте восемнадцати лет Фредерик добровольцем ушел в армию и в качестве шассера (пехотинца легкой пехоты армии Наполеона) поднялся по карьерной лестнице в период варварского завоевания Северной Африки. С 1847 года он проводил больше времени за маришем бумаги, чем за истреблением бедуинских племен. Рембо возглавил Арабское бюро в небольшом алжирском форпосте Себдоу. Незадолго до этого его предшественник был убит всадниками под предводительством партнера лейтенанта Рембо по шахматам – вождя местного племени. В Себдоу Рембо собирал налоги, отправлял правосудие и выступал в роли своеобразного военного антрополога: изучал культуру аборигенов, чтобы успешнее их подавлять.

В 1852 году он был произведен в чин капитана 47-го полка и променял пустыню Сахару на холодные и безопасные Арденны. Исследователи располагают единственным описанием внешности отца поэта, опираясь на упоминание о давно утраченном портрете: волосы русые, глаза голубые, губы полные, рост средний. Но мы твердо знаем, что он носил длинные усы и остроконечную бородку, поскольку это было обязательным у шассеров³⁰.

Для Витали позволить себе принять ухаживания капитана Рембо было весьма опрометчивым романтическим поступком. Ему нечего было предложить, кроме своего жалованья, немногочисленных личных вещей и незапятнанной репутации. Брачный договор, составленный 3 января 1853 года, был плодом спокойного размышления. Активы Витали, земля и деньги на общую сумму более 140 000 франков³¹, были записаны не в качестве приданого, а как «личное состояние» невесты³². Ни один мужчина не мог присвоить ее сбережения. Капитан получил разрешение на вступление в брак, и 8 февраля 1853 года в Шарлевиле состоялась свадьба.

Вступив в брачные отношения, капитан Рембо уехал в свой полк в Лионе, и в течение следующих семи лет видел жену так же часто, как бык видит поле коров. Сын Фредерик родился ровно через восемь месяцев и три недели после свадьбы. В следующем году отпуск капитана Рембо ознаменовался в той же манере. 20 октября 1854 года в шесть часов утра в квартире над

²⁹ О капитане Рембо: BH, 53 and 205–6; Bodenham; Coulon (1929), 28–31; Godchot, I, 3–39; Kacimi-El Hassani; Petitfils (1974).

³⁰ PBP, 13; Godchot, I, 9.

³¹ В современном эквиваленте 420 000 фунтов стерлингов или 672 000 долларов США. – *Авт.*

³² Брачный контракт: PR, 14. Рембо оценивал ежегодный доход своей матери в 1870 году приблизительно в 6000–8000 франков (D, 30 n.).

книжным магазином на улице Наполеона родился его второй сын³³. В пять часов вечера того же дня его дед и сосед-книготорговец пошли в ратушу и записали его в регистр как «младенца мужского пола»: Жана – Никола – Артюра Рембо. Он был крещен месяц спустя.

Среди тех, кто считает, что Артюр Рембо принадлежит к расе высших существ, бытует легенда, что он был в пути уже через несколько минут после рождения. Повитуха вернулась со свивальником и обнаружила, что младенец направляется к выходу – глаза широко открыты, и, что еще более примечательно, хихикает про себя³⁴.

Первый правдоподобный знак самостоятельной активности не дает никакого намека на сверхъестественное происхождение. Артюр был обеспечен бельем и люлькой и отправлен к няне в семью изготовителей гвоздей в Жеспёнсаре, что в одиннадцати километрах от бельгийской границы. В один прекрасный день мадам Рембо явилась без предупреждения для проверки и ужаснулась, увидев младенца работников, блистающего в одежках, предусмотренных для Артюра. В то время как ее грязный младенец радостно ползал голышом по старому сундуку для соли. В конечном итоге мадам Рембо удостоверилась, что ее ребенок хотел именно этого³⁵.

Тот факт, что мадам Рембо помнила об этом случае, более значителен, чем сам инцидент: маленький Артюр с презрением отвергает преимущества своего положения. Для мадам Рембо все было предзнаменованием. Игнорируемые дяди бросали длинную тень. Может быть, как и они, ее ребенок был, по сути, не буржуа.

Именно из-за дядей большая часть раннего детства Артюра прошла на ферме в Роше. Шарль Кюиф в конце концов был вынужден создавать видимость деятельности. В феврале 1852 года он женился, и Витали передала брату заботу о ферме. Тот праздновал свою независимость, полностью отдавшись горячительным напиткам. Всякий раз, как какой-нибудь торговец подходил к двери, Шарль под прицелом ружья приглашал его присоединиться к нему в распитии алкоголя, пока оба не становились полностью парализованными. Те, кто отказывались от приглашения, пробовали вкус картечи. Его жена сложила сундук и вернулась в свою деревню. В один прекрасный день в 1855 году обожженный солнцем ветеран вернулся из Алжира и вышвырнул своего братца прочь. «Африканец», как дядя Феликс стал известен в деревне, управлял фермой до декабря, когда по неизвестной причине он умер.

Витали взяла дела на себя и держала ферму в таком крепком кулаке, что ею стало чрезвычайно трудно управлять. Фермеры-арендаторы приходили и уходили, раздраженные невозможными условиями и стальными голубыми глазами мадам, что помнили каждый столб в ограде и каждую борозду. Поговаривали, что в доме был железный сундук, полный золотых монет³⁶. «Это хорошо, давать милостыню, – мадам Рембо позже говорила своей дочери, – но здравый смысл говорит нам, что мы должны отдавать только часть наших излишков»³⁷.

Время от времени пропитанный винными парами дядя Шарль приходил, пошатываясь, во двор фермы в поисках работы. Витали обычно спрашивала у него документы, как если бы он был незнакомцем, а затем прогоняла его. Дядя Шарль провел следующие пятьдесят восемь лет, блуждая в лабиринтах живых изгородей Арденн – наемный работник на неполный рабочий день и полное недоразумение. Он умер в монастыре в 1924 году «с утешением в религии» и с

³³ Нет, как часто утверждается, в 5 часов. – Свидетельство о рождении: *PR*, 7.

³⁴ *PBR*, 18.

³⁵ *PBR*, 18–19.

³⁶ Goffin, 42 (от поденщицы мадам Р.).

³⁷ *OC*, 787–788.

еще большим утешением посредством литра красного вина, выпитого за несколько мгновений до смерти³⁸.

Именно в Роше – в пяти километрах от ближайшего кафе – капитан Рембо окончательно узнал свою жену: холодный, скрипучий голос, заразительное уныние, сокрушительная убежденность в том, что люди должны быть столь же строги к себе, как была она сама. Капитан Рембо невольно присоединился к новому полку. Он начал с нетерпением ждать окончания увольнения и относительно мягкого распорядка армейской жизни.

В сентябре 1856 года, пережив рытье траншей в Крыму, вспышку холеры и марш по всей Европе на протяжении месяца, капитан Рембо оставил свой полк по дороге в Париж и заставил себя нанести визит в Рош. Девять месяцев спустя, в июне 1857 года, родился третий ребенок: Витали. Она умерла в июле, заслужив, таким образом, особое место любимого дитя в сердце матери. Невиданная доселе нежность мадам Рембо расцвела в могиле. Самые трогательные отрывки из ее последующей корреспонденции касаются эксгумации ее первой дочери, когда переделывали фамильный склеп: ужасающее описание останков трупа и покрытого волосиками черепа, который она любовно заключила в свои объятия³⁹.

Два месяца спустя капитан Рембо вернулся для возмещения утраченного, а затем снова отправился в Гренобль. Витали II родилась точно в следующем июне. Она впервые вошла в историю семьи два года спустя, когда четырехлетний Артюр якобы предложил ее книготорговцу в обмен на несколько цветных картинок в витрине его лавки⁴⁰. Милая идея продать члена семьи за несколько *objects d'art* (предметов искусства) предполагает, что источником этой легенды был Рембо самолично.

Книга записей рождений в Шарлевиле продолжала идти в ногу с графиком отпусков 47-го полка. Проконтролировав сбор урожая 1859 года, мадам Рембо посетила Селесту близ Страсбурга (ее первая поездка за границы Арденн) и беременная вернулась на улицу Наполеона, где хозяин дома попросил ее забрать вещи и съехать.

Утверждение, которое внедрилось в легенду Рембо, о том, что хозяин был встревожен неуклонным ростом числа представителей клана Рембо, сомнительно: это был простой вопрос нехватки места. Но почему он не дождался, пока не истечет срок аренды? Согласно договору Рембо имели право занимать квартиру до конца года. К тому же после смерти отца мадам Рембо в 1858 году освободилась пара комнат. Такое внезапное выселение беременной женщины с малолетними детьми можно объяснить лишь ее пресловутой способностью раздражать соседей.

До Рождества семейство было вынуждено квартировать в Hôtel du Lion d'Argent (Отель дю Лион д'Аржан) в центре Шарлевиля. Поиски нового жилища завершились переселением на квартиру в северном конце улицы Бурбон. Вечная грязь и нечистоты, дворы, благоухающие тухлой капустой и содержимым выгребных ям, малоэтажные дома, населенные неугодными⁴¹. Мадам Рембо основала свой буржуазный аванпост в пролетарской трясине и 1 июня 1860 года родила еще одну дочь, Изабель.

Первые воспоминания Рембо датируются именно этим трудным периодом шестого года своей жизни. Как и все ранние воспоминания, они обладают притягательным трехмерным качеством – один эпизод в другом, безобидные сцены с глубоким подтекстом. Эту историю Рембо рассказал своему школьному другу Эрнесту Делаэ.

³⁸ Godchot, I, 59–60.

³⁹ ОС, 797.

⁴⁰ РБР, 20–21.

⁴¹ Lalande (1987), 55.

«Он вспоминал супружескую ссору с использованием серебряной чаши, которая стояла на буфете. То, как была использована эта чаша, произвело на него неизгладимое впечатление. Его отец схватил чашу и в ярости швырнул на пол. Она подпрыгнула несколько раз, издавая музыкальные звуки. Затем отец водрузил ее на буфет. Мать в той же надменной манере взяла резонирующий предмет и заставила его исполнить тот же танец, затем подняла чашу и аккуратно поставила на надлежащее место. Именно так они придавали выразительность своему спору и отстаивали правоту или независимость. Рембо запомнил этот инцидент потому, что он показался ему очень забавным и, возможно, заставил его немного позавидовать: как бы и ему хотелось бросить эту красивую серебряную чашу, чтобы она завертелась!»⁴²

Этот прекрасный пример экранной памяти, кажется, был единственным четким воспоминанием Рембо об отце. Образ столь же богат и лаконичен, как стихотворение или сон: его родители занимаются любопытной ритуальной деятельностью с ценным полым предметом, который подскакивает то вверх, то вниз и вызывает чувство зависти у сына.

С этого момента начиналась необратимая катастрофа его детства. После того случая серебряная чаша не покидала своего места.

Исследователи указывают несколько причин разрыва между родителями Рембо, большинство из них неправдоподобны и не вполне основательны. Ссылки на пьянство, безделье и атеизм капитана Рембо основаны не на чем ином, как на плохом мнении об офицерах французской армии, как указал полковник Годшот в 1936 году. И кажется несправедливым приписывать Рембо-старшему психическое заболевание, диагностированное позже у его сына, такое как «дромомания» (патологическое влечение к перемене мест) или «паранойя странствий»⁴³ (хроническое заболевание непосед) только потому, что ему приходилось следовать за полком.

Более вероятно, что виной всему были увлечения капитана. В свободное время он был заядлым компилятором и комментатором. Рембо-старший создавал огромные трактаты по военному делу (ныне утерянные), в том числе трактат по военным речам, древним и современным. Его африканские отчеты – истинный образец аналитической прозы. Опустошительные нашествия саранчи, двулчие арабских дипломатов, атаки покрытых дегтем верблюдов, подожженных суицидальными членами племени, – скрупулезно и талантливо описаны его невозмутимым пером. Он, кроме того, составил сборник арабских шуток и осуществил параллельный перевод Корана. Если бы эти труды были опубликованы, возможно, он заслужил бы репутацию серьезного востоковеда.

Вся эта писанина, не приносящая материальных дивидендов, вероятно, съедала немало времени, которое он, возможно, проводил на ферме. По убеждению мадам Рембо, все, что называется литературным трудом, является пустозвонством и лицемерием. «Я пишу не затем, чтобы пожелать тебе хорошего Нового года, – сообщала она в письме своей дочери Изабель в 1906 году. – Это бесполезно. Действия – это все»⁴⁴. Лишь эпическая *Correspondance militaire* («Военная переписка») капитана Рембо была удостоена ее вниманием: она была написана на больших листах бумаги, которые оказались вполне пригодными для завертывания овощей⁴⁵.

Брак был обречен с самого начала: жена, которая чувствовала себя очень неудобно всякий раз, когда ее взгляды ставились под вопрос, и муж, любимым занятием которого был текстологический анализ. Несколько визитов за семь лет, пять беременностей, роды, Крымская война – все это не могло сгладить разницу их взглядов.

В один прекрасный день в сентябре 1860 года капитан Рембо уехал в свой полк в Камбре. Больше он не вернулся. Артюру не исполнилось и шести. Его матери было тридцать пять.

⁴² D, 30.

⁴³ J.-L. Delattre, *Le Déséquilibre mentale d'Arthur Rimbaud* (1928), цит. в EM, 171 и Plessen, 8. Также известно, как *'fugue'* и *'automatisme ambulatorio'* (Hacking).

⁴⁴ OC, 807.

⁴⁵ J. Bourguignon, интервьюированный Petitfils (1974), 9.

Оставленная в безвыходном положении в захудалом районе, имея четырех требовательных детей и непростой характер: сочетание непреклонности и острого беспокойства о том, что о ней думают другие, она была несчастнее, чем когда-либо. Остаться одной при живом муже было неприлично и унижительно. Она решила, что отныне она будет называть себя «вдовой Рембо».

Рембо часто прибегает к теме потери в своей поэзии. Как и любая личная катастрофа, это не было событием одного дня, а атмосферой всей жизни. Удивительно то, что эта потеря неизменно изображается глазами матери и представляется как нечто вроде боли от лишения сексуального контакта:

Увы, Он удалился...
Подобно ангелам, расставшимся в дороге,
невидим за холмом. И вот Она в тревоге,
черна и холодна, бежит за тем, кто скрылся.

О, скорбь травы густой и чистой! На постели
священной золото луны апрельской... Счастье
прибрежных брошенных строений, что во власти
у летних вечеров, изгнавших запах прели.

(«Воспоминание»)

Однако жаждет дух, исполненный печали,
Зарницы нежности продлить хотя б на миг...
Припав к подушке ртом, чтоб крик не услышали,
Она томится. Мрак во все дома проник.

(«Первые причастия»)

Все, что осталось от капитана, – за исключением детей – была груда рукописей и книга, толщиной с Библию, полная аннотаций. 878-страничная *Grammaire Nationale*, нечто вроде гигантского свода правил, которые, видимо, должны были произвести впечатление на читателя тем очевидным фактом, что ни одно человеческое существо никогда не сможет овладеть чем-то столь сложным и коварным, как язык. Этот том сохранился. На титульной странице капитан Рембо написал: «Грамматика – это основа и фундамент всех человеческих знаний», – провоцирующую аксиому, над которой определенно часто размышлял его сын. Неизвестно, когда Артюр вставил лист бумаги в этот памятник отцу. На нем было слово «АБРАКАДАБРА» и поясняющая запись: «Держись подальше от лихорадки». Позже он придумал более практический девиз и аккуратно написал над отцовской фразой: «Думайте что хотите, но хорошенько взвесьте, прежде чем говорить»⁴⁶.

Мадам Рембо удобно устроилась в своих страданиях, как старуха в постели. С тех пор ее характер застыл в виде пугающей серой башни, ставшей известной в истории литературы в качестве матери Артюра Рембо. По словам одного из его современников, у нее была «бросающая в холод внешность»⁴⁷. Она не знала ни смеха, ни даже улыбки. Описания матери до сих пор передают ощущение детских страхов. Спустя десятилетия седые крестьяне из Роша вспоминали, как юнцами их прогоняла со свекловичного поля женщина с кислым лицом, угрожая

⁴⁶ PR, 16; Briet (1956), III.

⁴⁷ Labarrière: Mouquet (1933), 96.

сослать их на «галеры». Дети Рембо, как говорили, внешне слегка походили на идиотов или побитых зверьков. Сочувствие было на стороне бросившего семью капитана⁴⁸.

Для Фредерика и Артюра окончательное исчезновение их отца означало больше подзатыльников. Любой ребенок будет винить в этом себя, и мадам Рембо не сделала ничего, чтобы развеять их сомнения.

Убеждение сформировалось как шрам. Она «пожертвовала» своим счастьем с капитаном ради детей, и дети действительно должны усердно трудиться, чтобы воздать ей долги⁴⁹.

Тем временем в уме Артюра образовалась огромная брешь – из его мира исчез отец, прихватив с собой ответы на вопросы, еще не сформировавшиеся.

Романтические произведения Рембо являются по сути детективными романами, написанными невольным виновником преступления. В поисках истоков лирического начала Рембо должен был стать необычайно отважным исследователем с удивительной памятью на фантазии, или факты, которые в один прекрасный день могут составить четкое представление об истине:

Иногда я думаю о своем отце:
Вечером игра в карты и разговоры становятся пикантными,
Мне и соседу велят уйти, то, что я видел...
(Ведь отцы беспокоятся за своих детей) и то, о чем я думал!..
Его колено, иногда ласкавшее меня, его брюки,
и та дыра, от желания открыть которую у меня чесались
пальцы...⁵⁰

(«Воспоминания старого идиота»)

⁴⁸ Briet (1956), II; Goffin, 40.

⁴⁹ См. ОС, 810

⁵⁰ 'Les Remembrances du vieillard idiot'.

Глава 2. Грязь

*...Жалкие происшествия детства.
Рабочие, Озарения*

После дезертирства капитана мадам Рембо почти удалось стать обоими родителями одновременно. Фредерик и Артюр подвергались обычному множеству наказаний, раздаваемых с необычной закономерностью: временное голодание, изоляция и регулярные физические наказания⁵¹. В общественных местах она частенько шлепала детей натруженной рукой, которая пожинала урожай и гнала скот в хлев на дойку. Когда Рембо изображал «лоб с буграми» «семи-летнего поэта» он, возможно, имел в виду, не только френологические признаки гения или прыщи, но также и следы материнской любви.

В соответствии с тем же стихотворением: «Тоски воскресных дней боялся он зимою, / Когда причесанный, за столиком своим / Читал он Библию с обрезом золотым». На фотографии с первого причастия волосы Артюра блестят от помады, что означало чистоту. Сравнение этой фотографии с более поздними фото с изображением наэлектризованной копны его волос дает некоторое представление о силе сцепления этой помады – все равно что твердая рука постоянно давит на кожу головы.

Мадам Рембо чувствовала, что, пока они остаются на рю Бурбон среди пролетариев, ее дети подвергаются опасности заражения. Как семейный фотоальбом, собранный шантажистом, Les Poètes de sept ans («Семилетние поэты») запечатлели некоторые опасности жизни с плебеями:

Лишь детей соседей-бедняков
Считал друзьями он. На стариков похожи,
С глазами блеклыми и с нездоровой кожей,
Поносом мучались они, и странно тих
Был голос, и черны от грязи руки их...
Ребенка своего на жалости позорной
Застав, пугалась мать. Но нежность непокорно
К ней из груди его рвалась, и так хорош
Был этот миг! Таил взгляд материнский ложь.

Непослушание ребенка и обнаружение лицемерия в глазах матери – такого же цвета, как его собственные, – конечно, датируются временем, когда было написано стихотворение (Артюру шел шестнадцатый год); но образы принадлежат рю Бурбон. Этот список «мрачных вещей», которые он «предпочитал», также был списком причин желания мадам Рембо пере-ехать: вонючие мальчишки, люди, «что были / Одеты в блузы и черны, когда домой / С работы шли», и рослая восьмилетняя девчонка с соседнего двора, «которая валила / Его на землю вмиг, он отбивался с силой / И, очутясь под ней, кусал девчонку в зад, не знавший панталон».

Но кожи аромат,
Забыв о синяках, он уносил с собою.

Во времена, когда отвратительные запахи считались признаками разврата и болезней и когда респектабельность была вовлечена в постоянную войну с непристойностью, омерзитель-

⁵¹ Delahaye (1919), 82–83; Mouret, 82–83.

ный запах мог иметь аромат запретного плода. Эти воспоминания «семилетнего поэта», возможно, и не подлинные снимки прошлого, но они действительно служат напоминанием об открытии внутреннего мира и стихийной уйме чувственных впечатлений. Где-то в сознании было уединенное местечко с замком на двери – место неожиданного отдыха:

Томящийся, тупой, он летнею порой
В местах отхожих запирался и часами
Там думал в тишине и шевелил ноздрями.
Когда за домом сквер, омытый до корней
Дневыми запахами, был в плену теней,
Он залезал в рухляк, что у стены валялся,
И, напрягая взгляд, видений дожидался
И слушал шорохи чесоточных кустов.

В октябре 1861 года, всего через год после окончательного исчезновения капитана Рембо, вселенная Артюра внезапно расширилась. Его с братом отправили в качестве приходящих учеников (не живущих в пансионе) в ближайшую школу.

Частная школа Россса⁵² выглядела как любое другое здание на улице: темно-зеленые ворота на рю де Аркебуз. Внутри, в полутемном вестибюле не было и намека, что это заведение станет одной из самых современных школ в стране с лабораториями и мастерскими. Здесь будет даже собственный паровой кузнечный горн. Изучение религии будет заменено садоводством и машиностроением.

Коридор, вдоль стен которого выстроились витрины со скелетами и чучелами птиц, выходил в опрятный прямоугольный двор. Его стены были выкрашены в цвет, который один из бывших учеников назвал «трупным желтым». С противоположной стороны – ступени, ведущие вниз к художественной мастерской. Стена на этой стороне, казалось, была атакована ядовитым грибом: по традиции в дни раздачи поощрений учащиеся разбивали об нее чернильницы. Во втором четырехугольнике, который был слишком мал для игры в футбол, триста мальчиков играли в шарики под окнами казенного здания трущобного вида. Когда шел дождь, ученики жались друг к другу под крышей открытой прачечной, словно пассажиры в ожидании поезда. Классные комнаты были сырыми и затхлыми, загроможденные массивными деревянными столами, изборозженными каракулями. Если бы окружение отражало педагогическую цель, то частная школа Россса готовила бы учащихся к жизни в тюрьме. Для Артюра это был первый вкус свободы, рай грязи, в который он тайно вступил для собственного разрушения:

В прихожей, в темноте, когда закрыты двери,
Он строил рожи и высывал язык.
Ресницы опускал – и появлялись вмиг
Кружки в его глазах. По вечерам забраться
Пытался на чердак, чтоб злости предаваться,
Таясь под свесившейся с крыши полумглой.

Бунт Артюра – намеком обобщенный в этих строках из «Семилетних поэтов», такой как мастурбация, неподчинение и вызывание галлюцинаций, – принял форму совершенства в учении. За три с половиной года в частной школе Россса он получил тринадцать премий и одиннадцать поощрений. Незадолго до своего десятого дня рождения он шел домой, пошатываясь под тяжестью призов, врученных ему за первое место в латинской грамматике и переводе,

⁵² Robinet (1964); Petitfils (1982), 31.

французской грамматике и орфографии, а также истории и географии, классической декламации и чтении. Он также получил поощрение за успехи в арифметике. Это не были награды за оригинальное мышление. Они просто показывали, что младший Рембо успевал незначительно лучше, чем кто-либо другой его возраста в усвоении и переваривании фактов и заповедей, унаследованных от прошлого. Помимо этих наград, все, что мы знаем о нем в 1861–1864 годах, – это то, что он, будучи небольшого роста, мог защитить себя в бою и что у него были удивительные бледно-голубые глаза, как говорили, весьма красивые, но, как ни странно, смотреть на них было не всегда приятно. Их цвет был подобен небесному, и в данном случае это не было литературным клише.

За исключением голубых глаз, ничто, казалось, не соответствовало маленькому бунтарю из «Семилетних поэтов». Но строгое личико Рембо-школьника на общей фотографии среди других учеников частной школы Росса осенью 1864 года, выделяясь чем-то неуловимым, просматривается и между строк стихотворения Рембо-поэта:

Он послушаньем исходил весь день; весьма
Сообразителен; но склад ума
И все привычки выдавали лицемерье.

На фотографии Артюр сидит слева от брата Фредерика, с видом недавно наказанного ребенка, кулаки спрятаны в его кепи, глядя исподлобья прямо в объектив, живой укор, или живое самобичевание. Это фотография ребенка, который знал, что в нем нет ничего, что могло бы вызвать любовь матери. Ощущение собственного лицемерия останется с ним, как специфический запах, а инквизиторский голос мадам Рембо помог придать его более поздним стихам их характерный дискуссионный тон:

...Ребенок, что всегда
Помеха всем и бремя,
Лгать будет без стыда
И предавать все время;
Загадит все кругом,
Как дикий кот...⁵³ О боже!
Когда умрет – о нем
Вы помолитесь все же⁵⁴.

(«Позор»)

В начале 1860-х годов жители Шарлевиля часто видели странную процессию, шествующую по городу⁵⁵. Впереди шли две маленькие девочки, держась за руки, за ними шли двое мальчиков постарше, тоже держась за руки. Они тяжело ступали в тяжелых ботинках, старомодной одежде, чисто вымытые, опрятные и молчаливые, стараясь не обращать внимания на язвительные замечания прохожих.

За ними на расстоянии, которое никогда не менялось, шла «вдова Рембо», направляясь в церковь или покупать овощи.

К этому времени семейство переселилось в дом № 13 по Курд'Орлеан в более чистый и респектабельный район. Но никаких отступлений быть не должно. Строгая дисциплина пре-

⁵³ В оригинале: «Un chat des Monts-Rocheux» – несуществующий вид, нечто вроде «рошский горный кот», аллюзия на деревеньку Рош. – *Авт.*

⁵⁴ 'Honte'. («Позор»).

⁵⁵ Pierquin, 145–146.

вратит их в полезных граждан, а для этого детей следует отрезать от общества. Каждый день после занятий мать встречала Фредерика и Артюра у школы и сопровождала их до дома, где их сестры занимались тем, что осуществляли контроль за выполнением ими домашнего задания⁵⁶. О любой несанкционированной деятельности сообщалось матери, которая тогда давала дополнительное домашнее задание. Перед ужином мальчики читали наизусть опусы на латыни. Мадам Рембо следила по книге, зная достаточно, чтобы уследить, когда они отклонялись от текста. Ошибка означала, что придется лечь спать без ужина.

В апреле 1865 года, несмотря на удовлетворительный прогресс Артюра, мадам Рембо вдруг решила перевести своих сыновей в муниципальный коллеж Шарлевиля. Она, возможно, была обеспокоена отсутствием религиозного обучения, или, что более вероятно, у нее возникло подозрение, что Артюр не напрягается. К тому же были некоторые тревожные сообщения о частной школе Росса. Месье Росс приглашал либеральных мыслителей выступить для учащихся и даже предлагал «открытые уроки» для рабочих. Он подозревался в пособничестве «интеллектуальной эмансипации». Эффект этих «передовых идей» не заставил себя ждать: ученики школы были замечены пьющими пиво в кафе и курящими сигары в местах общественных гуляний⁵⁷.

Шарлевильский коллеж внешне был похож на частную школу Росса, но был менее тесным, поскольку был менее популярным. Он стоял рядом с кожевенным заводом на реке Маас, на краю площади Гроба Господня. Матери, бывало, выходили из здания, поклявшись никогда больше не оставлять своего ребенка в этой выгребной яме. «Ужасные запахи», согласно министерскому отчету, «происходят из отхожего места, проникая в классные комнаты». Но были обещаны улучшения: генеральный ремонт, смена руководства коллежа и два священнослужителя в преподавательском составе⁵⁸.

Рембо-младший быстро оставил свой след в истории коллежа Шарлевиля. Пока Фредерик плелся в хвосте класса, Артюр, который был на одиннадцать месяцев моложе, катапультировался на класс старше за удивительное выполнение домашнего задания, которое его одноклассники помнили долгие годы.

Он сконцентрировал всю «древнюю историю» в один прозаический отрывок, так красиво написанный, что его показали всей школе как образец для подражания и восхищения. Артюр попал прямо из *septième* к *cinquième* (из седьмого класса в пятый), в руки месье Перета – из тех учителей, которые процветают на невежестве своих учеников.

Директор Дедуэ, впечатляющий, красноречивый человек с лунообразным лицом, носящий экстраординарные шляпы, уже мечтал о будущей славе Артюра Рембо, которая не оставила бы незамеченным и шарлевильский коллеж. Месье Перет, однако, вознамерился не слишком впечатляться. Производя неумолимо безупречные работы, Артюр Рембо в его глазах был непристойным надругательством над статистикой; в дополнение ко всему у него была ехидная улыбка. «Называйте его умником сколько угодно, – говорил месье Перет директору, – но кончит он плохо»⁵⁹.

Раздражительного месье Перета часто хвалят за его дальновидность, но то же самое было говорено и о многочисленных других учениках, так что, если пророчества учителя были бы столь влиятельны, как это принято считать, все поколение Рембо кончило бы плохо. Рембо действительно слышал предсказания своего бесславного конца гораздо реже, чем его товарищи по учебе. Единственный проступок, зафиксированный за его первый год в коллеже Шарлевиля,

⁵⁶ Mouret, 82–83; DAR, 723.

⁵⁷ Robinet (1974), 854–856.

⁵⁸ Robinet (1974), 856.

⁵⁹ D, 67 and 275; Delahaye (1919), 81.

вовсе не акт дегенерации. Надзиратель по имени Понселе конфисковал у Артюра «миниатюрную тетрадь», содержащую набросок приключенческой истории, «разворачивающейся среди варварских племен Океании»⁶⁰. Это, наверное, была одна из тех историй, вдохновение для которых, по воспоминаниям его сестры Изабель, черпалось из «Робинзона Крузо», произведений Фенимора Купера, Жюль Верна и, по словам одного из его одноклассников, популярного перевода «Открытие истоков Нила» Спика и Гранта. «Он обычно развлекал нас долгими вечерами, читая о своих фантастических путешествиях в странные неизведанные земли. [...] Естественно, это были лишь детские развлечения. Как только он их записывал и прочитывал, он тут же их рвал и выбрасывал».

Закономерно, что мадам Рембо одобряла *надзирателя*. «Ее принципы, – говорит Изабель, – не позволяли ей поощрять литературные усилия Артюра»⁶¹.

Скучное досье школьных рапортов и анекдотов оставило бы весьма туманное представление о Рембо на исходе его детства, если бы не сохранилось то, что выглядит, на первый взгляд, обычной школьной тетрадью. При ближайшем рассмотрении эта маленькая стопка бумаги производит магический эффект, впервые выявляя акт творчества Артюра Рембо.

Документ состоит из нескольких испачканных чернильными кляксами листов, сколотых вместе швейной булавкой. Он известен под высокопарным названием *Cahier des dix ans* («Тетрадь-отчет за 10 лет»), хотя почти наверняка датируется одиннадцатым годом Рембо: намеки на Александра, Дария и «их приспешников», а также на «этот грязный язык», греческий, указывают на программу обучения в шарлевильском коллеже⁶². Большая часть стопки бумаг разлинована и занята домашним заданием – здесь и небрежный перевод чего-то из Цицерона, история Адама и Евы на латыни, обрывки фактов из древней истории («Нил с его разливами есть благодетель Египта»), а также несколько арифметических задач («Если 20 литров стоит 3.250, сколько будет стоить 7 децилитров?»). Каракули и склонность писать без диакритических знаков и знаков препинания предполагают, что у ребенка было мало времени, чтобы тратить его попусту. Он подписывается «Рембо Артюр де Шарлевиль», что является формой его имени в списках призеров региональных конкурсных экзаменов. Но любое подозрение, что это записи любимчика учителей, развеяны рассказом в 750 слов, написанным, по-видимому, когда он притворился, что выполняет свое домашнее задание.

Рассказ идет по накатанному пути клише, начинаясь с неоклассического описания сумерек. Солнце садится, папоротники хмурят свои зеленые брови под действием освежающего ветерка, и рассказчик засыпает около ручья: «Мне снилось, что родился я в Реймсе в 1503 году. [...] Родители мои были не слишком богаты, но очень респектабельны. Их единственной собственностью был маленький домик, который всегда принадлежал им и который был их владением за двадцать лет до того, как я родился, плюс несколько тысяч франков и, помимо этого, небольшая сумма, которая исходила от сбережений моей матери».

Очевидно, что на этого ребенка важность домашней экономики явно производила впечатление.

Двести слов, и рассказчик уже в третьем жанре: классическое описание, исторический роман, и теперь реалистическая семейная драма:

«Мой отец служил офицером в Королевской армии»⁶³. Он был высоким, худым мужчиной с темными волосами и бородой, глаза и кожа [sic] одного цвета. Хотя ему было почти 48 или 50 лет, вы наверняка бы подумали, что ему 60 или 58. Он был вспыльчив и опрометчив, часто бывал в сердцах и не желал мириться с тем, что ему было не по душе. Моя мать была

⁶⁰ Poncelet to Berrichon. Briet (1956), 41; Murphy (1988).

⁶¹ Méléra (1946), 103 (письмо от Изабель; also On peke and Grant: Mary; Mille, 23–24; Pakenham (1989). Mary не надежен. См. Delahaye (1995), 107; Mouret, 71.

⁶² OC, 1027; Ruff, 8: cf. Briet, ed. (1956). Факсимиле: MB, 41–43.

⁶³ Здесь сноски отправляет отца в Сент-Гард – личную гвардию Наполеона III. – *Авт.*

совсем другой: спокойной и нежной женщиной, тревожной, – она тем не менее содержала дом в идеальном порядке. Она была такой спокойной, что мой отец поддразнивал ее, словно юную девушку⁶⁴. Я был любимчиком. Мои братья не были такими храбрыми, как я, хотя они были старше. Я не очень любил учиться – учиться читать, писать и считать. Но отделять дом, ухаживать за садом или ходить за покупками – было замечательно, мне нравилось это делать».

Большинство автобиографий являются свидетельством силы самообмана, но уловки одиннадцатилетнего автора показательно неуместны. Фантазии Артюра о доме, слегка разбавленные походами за покупками, вполне очевидны. Черствость мадам Рембо превращается в добродетель, в то время как злой, изображенный в черных красках отец получает искреннюю критику: его присутствие в рассказе совпадает в значительной степени с самым нескладным синтаксисом. Далее в отрывке упоминаются игрушки и сладости, которые отец имел обыкновение обещать сыну, если он покончит с арифметикой. («Но я никогда не мог».) Затем идет поток сознания, который столь же красноречив в своем роде, как картина, изображающая школьника, сгорбившегося за своей партой в преждевременном беспокойстве о своем будущем:

«Несмотря на это, отец отправил меня в школу, как только мне исполнилось десять лет.

Зачем, – спрашивал я себя, – учить греческий и латынь? Не знаю. В них нет нужды. Что с того, если я сдам экзамены? В чем смысл этих экзаменов? Ни в чем, не так ли? Нет, смысл есть. Говорят, что работу можно получить, только если выдержишь экзамен. Но мне не нужна работа. Я собираюсь стать *рантье* [человеком, живущим на проценты от собственных средств]. Даже если вам действительно нужна работа, зачем учить латынь? Никто не говорит на этом языке. Иногда я вижу в газетах написанное по-латыни, но я не собираюсь быть журналистом, слава богу. [...]

И уверены ли мы, что латиняне когда-либо вообще существовали? Может, это выдуманый язык, и даже если латиняне и существовали, почему они не могут оставить меня в покое? Пусть они остаются со своим языком, а я буду *рантье*. [...]

O, saperlipotte de saperlipotte! (Черт побери, черт побери!) *Sapristi!*⁶⁵ Я собираюсь стать *рантье*. Не слишком весело целыми днями просиживать на скамье. *Трижды черт побери!*

Чтобы получить работу чистильщика сапог, нужно сдать экзамен, потому что работа, которую тебе могут предложить, – это работа чистильщика сапог, либо свинопаса, либо пахаря. Благодарю покорно, я не хочу этого делать. *Черт возьми!*

И сверх всего прочего тебе заплатят пощечиной. Тебя будут называть животным, что неправда, маленьким воришкой и так далее. *O, черт побери!*

Продолжение следует».

К концу эпизода Реймс XVI века подозрительно похож на Шарлевиль XIX века. Рембо в значительной мере сочувствует младшему городскому пролетариату, мишени для обид и агрессии взрослых. Одиннадцатилетнему школьнику, мать которого помешана на дезинфекции, чистка от грязи башмаков взрослых, наверное, казалась воплощением ужаса всех профессий. Возможно, мадам Рембо говорила Фредерику, который уже проявлял признаки отставания, что даже свинопасам пришлось сдавать экзамены. Артюр, напротив, определяет ключ к свободе в современном мире: он хочет быть капиталистом и бережливым человеком, как его мать, а не солдатом, как его отец. Не собирается он и посвящать себя учебе в школе, что рассматривается здесь как расширение тирании отца. Но сам рассказ показывает, что интеллектуальные занятия сами по себе для него очень привлекательны.

⁶⁴ В оригинале предложение построено так, будто автор сравнивает отца с молодой девушкой. – *Авт.*

⁶⁵ Черт возьми! Примерный эквивалент английского ругательства «Gadzooks!» (God's hooks, nails of the Cross (гвозди Креста)). – *Авт.*

Другие интимные страницы тетради представляют собой небольшую галерею из семи набросков, предназначенных для иллюстрирования «Удовольствий молодости»⁶⁶. Они изображают семейство Рембо, занимающееся своей повседневной саморазрушительной деятельностью. Два мальчика на тонущей лодке вызывают о помощи. «Королева Скандинавии», одна из сестер Артюра, мчится на санках в преддверии аварии. Девочка балансирует на стуле, подвешенном к ручке двери. «Держись, ну!» – призывает с северным акцентом ее брат. Рисунок под заглавием «Сельское хозяйство» изображает детей, в изумлении всплескивающих руками при виде огромных мясистых растений, выросших в цветочных горшках. Религия представлена изображением двух сестер, стоящих на коленях, протягивающих куклу брату, одетому как священник. Подпись под рисунком: «Возьми и окрести его».

На рисунке под заглавием «Осада» мать, отец и двое сыновей стоят у окна и бросают метательные снаряды в толпу на улице. Какой-то мужчина в цилиндре говорит: «Нужно подать на них жалобу». И в конце, как бы объясняя это постоянное состояние неминуемой катастрофы: женщина сидит и плачет, в то время как мужчина или мальчик удаляется прочь, словно убегает с места преступления. Это капитан Рембо уходит из дома или Артюр следует его примеру?

«Осаду» можно трактовать как аллгорию отношений семейства Рембо с шарлевильским обществом. По загадочным причинам, возможно не связанным с мужчинами в цилиндрах, подающими жалобы, мадам Рембо снова собралась переезжать, на этот раз на рю Форест в дом № 20. Но тонущая лодка была взята из реальной жизни: это ялик дубильщика, который был пришвартован к берегу напротив горы Олимп. Эрнест Делаэ, сын вдовы, которая владела бакалейной лавкой в Мезьере, видел, как Артюр и его брат спокойно играли в лодке по дороге в школу. Это было их единственное время без присмотра. Они толкались ногами до тех пор, пока цепь не натягивалась, чувствовали, как их подхватывает течение, затем смотрели на реку, текущую мимо, прежде чем втянуть лодку обратно на берег и бежать в школу.

По словам Делаэ, братья Рембо были похожи на маленьких банкиров: в котелках и с зонтиками (хотя школа находилась менее чем в 700 метрах), при белых воротничках, в черных пиджаках и темно-голубых брюках, скроенных мадам Рембо на вырост, притом с таким запахом, что шесть лет спустя, когда Артюр отправился в Париж, на нем были все те же брюки темно-голубого цвета. Делаэ познакомился со старшим Рембо на уроке немецкого, и в коридоре, куда Фредерика часто отправляли стоять, согласно педагогической логике, за то, что он отставал от других. Сначала он узнал об Артюре как о палке, которой били Фредерика: учителя постоянно спрашивали, почему он не может быть таким же умным и прилежным, как его брат. «Кто такой этот Артюр?» – спросил Делаэ. «Артюр? – ответил Фредерик. – Он великолепен!»⁶⁷

Завести знакомство с юным гением было непросто. Даже после того, как мадам Рембо перестала встречать их из школы, Артюр и Фредерик каждый день спешили прямо домой. Попытки запугать его разбивались о насмешливую улыбку и вид непонятной собранности. Он был странно равнодушен к игре в шарики, маркам и дракам в рекреациях. Говорили, что Артюр Рембо с жадностью прочел сотни книг. Утверждение Верлена, что Рембо прочитал всю французскую поэзию в возрасте четырнадцати лет, чересчур восторженное⁶⁸, но его *Cahier des dix ans* («Тетрадь-отчет за 10 лет») подтверждает тесное знакомство с некоторыми формами художественной литературы. Артюр был известен как мальчик с самомнением. Однажды, когда школьники гурьбой выходили из часовни, некоторые ученики старших классов собрались вокруг кропильницы и начали брызгать друг в друга святой водой. Рембо в ярости набросился на них, колотя кулаками и кусаясь, пока не вмешались учителя. Из-за этого он заслужил

⁶⁶ PR, 19.

⁶⁷ D, 66.

⁶⁸ Verlaine (октябрь 1895 года), 969.

прозвище «маленького продажного святоши»⁶⁹, но это, кажется, лишь укрепило его репутацию убежденного интеллектуала.

Даже учителя находили его молчание нервирующим. Они вглядывались во всепоглощающей туннель, чтобы увидеть, что оттуда выйдет. Учителя по имени Леритье попросили дать Рембо дополнительные уроки, чтобы подготовить его к региональным испытаниям. Месье Леритье гордился своими дружескими отношениями с мальчиками, но его обычному трюку – порче фарфоровой безделушки, которая стояла на его столе, не удалось растопить лед, как и более опасному приему – утверждению, что он написал поэму в честь Орсини, человека, который⁷⁰ недавно пытался взорвать Наполеона III на ступенях здания Оперы. Рембо вежливо улыбался и выглядел смущенным. По-видимому, для него взрослый мир не таил никаких сюрпризов. Он привык жить с бомбой замедленного действия внутри себя.

Когда в 1866 году Делаэ наконец удалось вовлечь Рембо в разговор, тот доказал, что достоин своей репутации. Он уже имел славу интеллектуала. Фаза «продажного святоши», должно быть, продолжалась несколько недель. С тех пор он открыл для себя романтическую литературу и был чем-то вроде эксперта по пьесам и стихам Виктора Гюго. Но даже Гюго устарел. Делаэ был удивлен, узнав, что один из его одноклассников «не одобряет» *coup d'état* 1851 года, который привел Наполеона III к власти. Рембо уже имел твердое мнение: «Наполеона III нужно отправить на галеры!»⁷¹

Посылать людей на галеры было любимым занятием мадам Рембо. Она уже мысленно отправила на каторгу большую часть Шарлевиля, но она никогда не думала о применении этого выражения по отношению к французскому императору. Делаэ почувствовал прилив волнения: «Боже! Что будет дальше!...» Шарлевиль вдруг показался ему очень маленьким.

⁶⁹ D, 273.

⁷⁰ D, 279.

⁷¹ D, 71.

Глава 3. «Идеальный маленький монстр»

*«Юность моя не была ли однажды ласковой, героической,
сказочной, – на золотых страницах о ней бы писать, – о, избыток удачи!»
Утро, Одно лето в аду*

Первое впечатление нового учителя об Артюре Рембо: «Маленький и робкий... немного напыщенный и заискивающий. Ногти у него были чистые, его тетради – безупречные, его домашнее задание – удивительно правильно, его отметки – с точки зрения преподавателей – безупречны. Короче говоря, он был одним из тех образцовых, идеальных маленьких монстров, превосходным образцом *bête à concours*⁷². Таким было лицо, которое он всегда носил в классе. Без сомнения, это была невольная сила привычки, а не лицемерие»⁷³.

В 1870 году Рембо описывал класс, прибегая к выразительным сравнениям, которые указывают на то, что его необщительность была не просто результатом того, что он на два года младше своих одноклассников. По мнению мадам Рембо, соученики ее сыновей были грязными животными, не намного лучше, чем скот в Роше, и значительно менее полезными. Артюр разделял подобную точку зрения: «Ученики похожи на жирных овец, потеющих в своих засаленных пиджаках, дремлющих в смрадной атмосфере⁷⁴ класса для приготовления уроков в свете газовой лампы, в спертom тепле печи!»⁷⁵

Один из этих жвачных – мальчик по имени Жолли – писал своему брату 26 мая 1868 года о новости, которая, похоже, подтверждает оценку учителя. «Идеальный маленький монстр» споткнулся на пути к славе: «Ты, вероятно, знаешь братьев Raimbaults [sic]. Один из них (тот, который сейчас в третьем классе) только что отправил письмо, состоящее из 60 строк латинского стиха, маленькому принцу империи по случаю его первого причастия. Он держал все это в большом секрете и даже не показал свой стих учителю. В результате он сделал несколько грамматических ошибок, и некоторые строки были неправильными. Наставник принца только что ответил, сказав, что его маленькое величество тронут письмом, и, так как он тоже ученик, он охотно прощает ему его неверные строки. Наш Рембо получил небольшой урок за попытку показать свое мастерство. Директор не поздравил его»⁷⁶.

Ехидные комментарии в конце письма месье Жолли отражают общее мнение об Артюре Рембо: восхищение его интеллектуальной доблестью и невысказанная антипатия к его холодным глазам и неопределенной улыбке, которая, казалось, чрезмерно напрягает мышцы его лица.

Когда в 1930 году стало известно, что Рембо, авангардистский герой, послал оду на первое причастие сыну Наполеона III, некоторые консервативные критики заявили, что Рембо был настоящим католиком и империалистом и просто делал вид, что он анархист. Мысль о том, что критика королевского наставника превратила Рембо в революционера, больше говорит об академическом тщеславии, чем об интеллектуальном развитии. Сама ода так ни разу и не появилась в императорских архивах. Она была, наверное, утеряна во время пожара во дворце Тюильри в 1871 году, но факт, что наставник нелюбезно придирался к оде, в сочетании с тем, что Рембо знал латынь прекрасно, свидетельствует о том, что это происшествие было не лишено для поэта обидной двусмысленности. Это был не единственный раз, когда Рембо высмеивал институт власти и в то же время искал его одобрения.

⁷² Призовое животное, выращенное для выставок; зубрила. – Авт.

⁷³ Iz, 54.

⁷⁴ Биографы иногда исправляют это слово на «атмосфера», но, конечно, это преднамеренная ошибка Артюра. – Авт.

⁷⁵ Un Cœur sous une soutane, ed. Murphy, 20.

⁷⁶ Méléra (1930). Идентификация с принцем: Guyaux (1981, 1982); Murphy (1991), 57–75.

Одаренность Рембо становится еще более очевидной ближе к концу 1868 года. Пораженный его домашним заданием по латыни, классный руководитель послал один из лучших образцов его работы в *Moniteur de l'Enseignement Supérieur* («Вестник среднего, специального и классического образования»). Это был журнал, который позволял областному управлению образования погладить себя по головке, публикуя самые изысканные примеры домашнего задания, выполняемые под его юрисдикцией. Строки, которыми «Артур Рембо, приходящий ученик коллежа Шарлевиля» принес славу своему учебному заведению, предположительно являлись продолжением оды в латинских гекзаметрах пера Горация *Descende caelo...* («Спустишься с небес...»).

В руках Рембо ода была страницей сырого материала, ждущей переработки. Его вступительное слово о деспотических учителях, «распинающих» своих учеников, не имеет никакого отношения к оригинальному тексту, как и утверждение о том, что Аполлон выгравировал на челе автора священным пламенем слова: *TU VATES ERIS*: «Ты будешь поэтом (или ясновидцем)»⁷⁷. Некоторые необычные элементы словарного запаса показывают, что Рембо удалось заполучить копию Катулла, который решительно не был включен в школьную программу⁷⁸. Он воспользовался ею, чтобы дать мощное эротическое изображение будоражащего ум тепла Матери-Природы, божественного противоядия учебному порабощению.

Эта совершенная безукоризненная дерзость – переписать Горация, вставить собственное лицо в его портрет – указывает на нечто более сложное, чем тайный бунт. Рембо практиковал своего рода суперпослушание, разрабатывая свою антиучебную тему в манере, которая была рассчитана на получение академического признания. Его учителям никогда не приходило в голову, что ученик, который успешно реализуется посредством определения целей и методов системы образования, также является учеником, наиболее вероятно отрицающим систему в целом.

Ода в *Moniteur de l'Enseignement Supérieur* была первой в серии побед в школьной карьере Рембо, с ходом времени ставшей одной из самых блестящих во французской литературе. В 1869 году он получил первый приз на региональном экзамене за стихотворение на латыни о Югурте. Враг Рима был сравнен с Абд-Эль-Кадером, героем алжирского национализма, бывшим бедствием французской армии, и капитана Рембо в частности. Заманчиво предположить, что Рембо вел подрывную деятельность; но если его намек на счастье Алжира «под господством Франции» был циничной шуткой, как утверждают некоторые, экзаменаторам такая мысль не пришла в голову. В стихотворении Рембо Абд-Эль-Кадеру настоятельно рекомендуется «подчиниться новому Богу», Наполеону III: «*Napoleo! proh Napoleo! [...] Cede novo, tu, pate, Deo!*» (досл.: «Наполеон! Ах, Наполеон! Получи новое, ты, сын мой, Боже!») В любом случае к тому моменту, когда Рембо писал свое стихотворение, Абд-Эль-Кадер был союзником Франции. Целью Рембо не было поставить политическую точку и завоевать восхищение будущих читателей. Его цель состояла в том, чтобы выиграть соревнование.

В то время как брат Фредерик считал школу неприятной болезнью, от которой неизбежно вылечиваешься к завершению юности, Артур относился к ней как к профессии. Чтобы получить доступ к запретным авторам, таким как Катулл, он начал собственный бизнес: за небольшие комиссионные он предложил пансионерам покупать для них книги. Он шел в книжную лавку в доме, где родился, брал книгу, которую хотел, в кредит, читал ее в постели, не разрезая страниц, а затем возвращал ее на следующий день и менял на ту книгу, которую он, как предполагалось, должен был купить с самого начала. Результат: деньги в кармане и знание неразрешенной литературы⁷⁹.

⁷⁷ Cf. *Aeneid*, VI, 883.

⁷⁸ OC, 1033.

⁷⁹ Errard.

Легенда о поэте, презиравшем регулярную оплату чеком ради Искусства, – это оскорбление изобретательности Рембо. В тюремной школьной структуре он стал альтернативным поставщиком. Настало время поднять общий уровень образования, возник черный рынок домашних заданий. Богатые ученики, ленивые или неспособные, нанимали Артюра писать для них домашние задания по латыни⁸⁰. На уроках математики он спокойно выдавал несколько латинских стихов на одну и ту же тему. Каждое домашнее задание имело свой характерный стиль, в соответствии с индивидуальными пожеланиями заказчика. Зачитывая в классе написанные невидимкой домашние задания, недалекие ученики озвучивали смехотворно блестящие пародии на самих себя.

Ни одно из этих контрафактных произведений не уцелело, за исключением, возможно, стихотворения на латыни в *Moniteur de l'Enseignement Supérieur*, написанного ничем не примечательным соучеником Рембо по имени Альфред Мабийе. Но подобного рода упражнения могут быть обнаружены в ранних стихотворениях Рембо: его искусные имитации современных поэтов можно прочесть как антологию французской поэзии середины XIX века, созданную одним автором.

Эта паразитарная сфера услуг, которая расцвела в образовательной системе, является великолепным достижением для ребенка пятнадцати лет. У Рембо был острый взгляд на потребности рынка, твердая хватка и способность к саморекламе. Воспоминания его одноклассников показывают, что он уже имел то самое сочетание театральности и безразличия, которое, как правило, создает легенду. Каждый месяц приносил новые легенды о Рембо. Иногда он писал одно и то же домашнее задание на трех языках: французском, латыни и греческом, и в стихах. На математике вместо решения уравнений он писал стихи. Следуя примеру аннотированной отцом *Grammaire Nationale*, он представил своему классному руководителю подробный список стилистических ошибок в *L'Art poétique* («Поэтическом искусстве», 1674 г.) Буало⁸¹, считавшемся последним словом в основах стихосложения. В этом отношении он был на три года впереди ведущего поэта-виртуоза современности Теодора де Банвиля, *Petit traité de poésie française* («Маленький трактат о французской поэзии», 1872 г.), который систематизировал правила школы *l'Art pour l'Art* («искусство ради искусства»), и исправлял Буало как неуклюжего невежду.

Для Рембо шарлевильский коллеж был сценой. На шестичасовом региональном конкурсе 1869 года, в котором он победил, с 6 до 9 утра он, казалось, спал за своей партой, не написав ничего. Нервные расспросы директора увенчались информацией, что Рембо пропустил завтрак. Послали консьержа за корзиной продуктов. Рембо неспешно поел, затем склонился над партой и за несколько минут до полудня вручил свое стихотворение – полновесное и безупречное. Директор восхищался этим подвигом и сорок лет спустя⁸².

Странно, но Рембо, кажется, ничего не говорил о своих самых впечатляющих достижениях. Одно из его стихотворений появилось в «настоящем» журнале *Revue pour tous* («Журнал для всех»), одном из тех, что можно найти на любом журнальном столике. Стихотворение *Les Étrennes des orphelins* («Подарки сирот к Новому году») было представлено вовремя для соответствующего выпуска (2 января 1870 года). Это была тщательно выверенная душераздирающая история, написанная по-французски александрийским стихом. Хотя в большинстве изданий это стихотворение считается первым стихом Рембо, оно явно было шедевром его раннего творчества, единственным сохранившимся вариантом из нескольких проб⁸³.

⁸⁰ ВН, 59; Из, 23.

⁸¹ D, 31–32.

⁸² РБР, 37–41 (от Abbé Morigny). О наградах Рембо.: Godchot, I, 87–89; Taute.

⁸³ Bonnefoy, 28.

Теперь вы поняли: сироты эти дети.
Нет матери у них, отец их далеко,
И старой женщине-служанке нелегко
Заботиться о них. Одни в холодном зданье
Они встречают день. И вот у них в сознание
Воспоминания теснятся... и опять,
Как четки, можно их весь день перебирать.
Чудесен был рассвет, суливший им подарки!
А ночью были сны таинственны и ярки,
И каждый что хотел, то и увидел в них:
Игрушки, сладости в обертках золотых;
И в танце это все кружилось и сверкало,
То появлялось вновь, то снова исчезало.

В Рождество двух брошенных сирот во сне посетил ангел. Проснувшись, они, вне себя от радости, обнаруживают похоронный венок своей матери. Очевидно, они ошибочно принимают венок за рождественский подарок, хотя это не вполне ясно при первом и даже при втором прочтении.

Галлюцинаторный опус Рембо о лоноподобном шкафе – это собрание цитат из его любимых поэтов: уютного сентиментального Гюго, образного Бодлера и некоторых других популярных поэтов, теперь совершенно забытых:

А шкаф был без ключей... Да, без ключей... Как странно!
К себе приковывал он взгляды постоянно,
Он заставлял мечтать о тайнах, спящих в нем,
За дверцей черною, что заперта ключом;
И слышался порой из скважины замочной
Какой-то смутный гул во мгле его полночной.
Сегодня комната родителей пуста,
Луч света под дверьми сменила темнота,
Нет больше ни ключей, ни жаркого камина,
Ни поцелуев нет, ни шалости невинной.
О, новогодний день печально встретит их!
И слезы горькие из глаз их голубых
На щеки падают, и шепот раздается:
«Когда же мама к нам издалека вернется?»

Рембо старательно вырабатывал эмоциональное состояние, эксплуатируя образы вечеров у камина, бабушек с прялками и хворающих детей. Пристрастие к картинкам в викторианском духе, словно срисованным с коробок с шоколадными конфетами, оставалось у Рембо на удивление долго. Возможно, он стремился к подобному эффекту и в более поздних стихах, которые кажутся слишком язвительными или интеллектуальными.

В возрасте пятнадцати лет у Рембо было больше поклонников, чем друзей. Его мастерство писателя сделало его ценным членом учреждения, зеницей ока директора, который вынужден был смириться с тем, что удостоенный наград ученик пренебрегал математикой, читал неподходящие книги, отрачивал волосы или, как случилось однажды, бросал свой словарь в одноклассника. Фредерика, уличенного в «преступлении» – создании карикатуры на учителя истории, принимающего ванну «без фигового листка», не выгнали из коллежа лишь благодаря заслугам младшего брата. Его считали «ленивым и с плохим характером», но дирек-

тор был «склонен к снисходительности», как докладывал школьный инспектор: «Брат этого приходящего школьника – лучший ученик в школе, молодой Raimbaud [sic], один из наших призеров. Его изгнание, несомненно, повлечет уход его брата и будет самой печальной потерей для школы»⁸⁴.

Первые признаки открытого ниспровержения в произведениях Рембо фактически выдают желание утвердить свое место в школьном сообществе. В попытке убедить императорскую власть в своем бесстрашном консерватизме и, возможно, сэкономить на зарплате учителей шарлевильского коллежа, был заключен альянс с соседней семинарией. Старшие мальчики, которые учились на священников, теперь посещали уроки вместе со «сбродом» из города. Каждый класс стал маленькой моделью французского парламента: напряженное сожительство репрессивных клириков и реформаторов-либералов⁸⁵.

Этот опыт совместного обучения указывает, насколько незначительными были различия в программах. Соученичество привело к тому, что семинаристы стали более пафосными и елейными, они пристрастились к нюхательному табаку и анализировали уроки своих учителей в поисках идеологических неточностей. Светские ученики стали более вульгарными, курили сигареты и высказывали атеистические и либеральные идеи. Эти отношения («менее святой, чем ты») нашли отражение в ранних стихах Рембо: *Les Premières communions* («Первые причастия»), где девочка жалуется, что «Христос мое дыханье / Навеки осквернил», «Душа моя и плоть, что так к тебе прильнула, / Несут тлетворное лобзание Христа», или застигнутый врасплох аббат из *Le Châtiment de Tartufe* («Возмездие Тартюфу») «...бредет, / Из рта беззубого пуская слюни веры».

Как единственный мальчик, который мог побороть семинаристов в учебном бою, Рембо становится чемпионом коллежа. Без него церемония награждения была бы ежегодным унижением для «светских». В 1869 году он получил восемь первых наград, в том числе и за религиозные дисциплины. Он также покрыл себя славой, поставив в неловкое положение учителя истории, аббата из семинарии. Он терзал его вопросами по поводу позиции современной церкви о религиозных войнах, резни в день Святого Варфоломея и инквизиции⁸⁶. Первая награда Артюра по истории была, очевидно, вполне заслуженной. Пожалуй, неудивительно, что в 1870 году список его наград (семь первых) был «запятнан» четвертым местом по истории. Рембо быстро вырастает из учебного плана. Фраза в одном из его сочинений распространила небольшую ударную волну по школе: «Марат и Робеспьер, молодость ждет вас!»⁸⁷

Молодости не придется ждать долго.

⁸⁴ Письмо от 6 ноября 1869 года: PR, 29; Robinet (1974), 858.

⁸⁵ Iz, 41; Robinet; *Un Cœur...* ed. Murphy, 68–72.

⁸⁶ BH, 63.

⁸⁷ BH, 63; also D, 71.

Глава 4. «Безумное честолюбие»

*Я чувствую, что есть во мне нечто... что хочет подняться...
Рембо Теодору де Банвилю, 24 мая 1870 г.*

Через две недели после того, как стихотворение Рембо появилось в *Revue pour tous* («Журнал для всех»), в шарлевильский коллеж прибыл новый учитель. Жоржу Изамбару было всего двадцать два года. До этого он преподавал в школе в старом доме Виктора Гюго в Париже, и у него были странные идеи по поводу обучения: он полагал, что мальчики могли бы учиться и без скуки. По прибытии директор проинформировал его о том, что ему будет доверен непростой, но очень ценный для школы ученик по имени Артюр Рембо. В исключительном порядке Рембо следует позволять читать все, что ему понравится⁸⁸.

В ученике с наградами, как оказалось, уживались две совершенно разные личности. В классе он был «закрытым и сдержанным» маленьким джентльменом, который никогда не пачкал своих тетрадей. Вне школы он был «истинным интеллектуалом», «трепещущим от лирической страсти» и двух дополняющих друг друга амбиций: стать поэтом и освободиться от своей матери⁸⁹.

Каждый день Изамбар находил, что Рембо ждет его после уроков со своими аккуратно переписанными стихами. Первым стихотворением была «Офелия». Удивительное произведение для пятнадцатилетнего демонстрировало редкую способность создавать удивительные эффекты из однообразия и вливать в обычные фразы настоящие чувства.

По глади черных вод, где звезды задремали,
Плывет Офелия, как лилия бела,
Плывет медленно в прозрачном покрывале...
В охотничьи рога трубит лесная мгла.

Уже столетия, как белым привиденьем
Скользит Офелия над черной глубиной,
Уже столетия, как приглушенным пеньем
Ее безумия наполнен мрак ночной.

Целует ветер в грудь ее неторопливо,
Вода баюкает, раскрыв, как лепестки,
Одежды белые, и тихо плачут ивы,
Грустя, склоняются над нею тростники.

Кувшинки смятые вокруг нее вздыхают;
Порою на ольхе гнездо проснется вдруг,
И крылья трепетом своим ее встречают...
От звезд таинственный на землю льется звук.

«Офелию» обычно включают в антологии как одно из немногочисленных лучших стихотворений Рембо. Критики восхищались ею не как типичным стихом Рембо, а как результатом тщательно продуманной торговой экспедиции, одой потребителя, который платит тяже-

⁸⁸ Iz, 40; D, 278.

⁸⁹ Iz, 54 и 61.

лую дань культуре своего времени. Вдохновлено оно было скорее стихотворением Банвиля и живописным полотном Милле, чем «Гамлетом», заданным для самостоятельного изучения. Неловкая высокопарность последних строф делает зловещую мысль относительно безобидной: идея, что спящую погубили ее видения.

Как снег прекрасная Офелия! О фея!
Ты умерла, дитя! Поток тебя умчал!
Затем что ветра вздох, с норвежских гор повеяв,
Тебе про терпкую свободу нашептал;

Затем что занесло то ветра дуновение
Какой-то странный гул в твой разум и мечты,
И сердце слушало ночной Природы пенье
Средь шорохов листвы и вздохов темноты;

Затем что голоса морей разбили властно
Грудь детскую твою, чей стон был слишком тих;
Затем что кавалер, безумный и прекрасный,
Пришел апрельским днем и сел у ног твоих.

Свобода! Взлет! Любовь! Мечты безумны были!
И ты от их огня растаяла, как снег:
Виденья странные рассудок твой сгубили,
Вид Бесконечности взор погасил навек.

Изамбар был в восторге, что обнаружил «первоклассный мозговой механизм»⁹⁰, но никогда не притворялся, что признавал в Рембо будущего поэта. Стихотворчество было обычным подростковым занятием и не могло стать основой разумной профессии. Мозг Артюра Рембо был нацелен на академическую славу – мозг, который требовал пищи. Изамбар одалживал ему книги из личной библиотеки, Рембо возвращал их почти сразу же, прочитав и переварив. Его первое известное письмо-просьба Изамбару одолжить ему три книги: *Curiosités Historiques* («Исторические курьезы»), *Curiosités Bibliographiques* («Библиографические курьезы») и *Curiosités de l'Histoire de France* («Курьезы истории Франции») – альтернативная учебная программа. «Я приду и возьму их завтра, примерно в 10 или 10:30. Буду вам очень обязан. Они были бы очень полезны для меня».

Отчасти список прочитанных Рембо книг можно реконструировать, изучая его ранние тексты. Вдохновленный «Собором Парижской Богоматери» Гюго, стихами Вийона и «средневековой» пьесой Банвиля, Рембо создал модную старосветскую балладу о скелетах, танцующих на виселице *Bal des pendus* («Бал повешенных») и длинный пассаж на поддельном старофранцузском *Lettre de Charles d'Orléans à Louis XI* («Письмо Карла Орлеанского Людовику XI»), что свидетельствует о его интересе к лексике различных исторических периодов и свободном владении ею, как если бы он просто подбирал мелодию.

За «Офелией» последовало *Sensation* («Предчувствие») – еще одно произведение, включаемое в антологии: стихотворение о прогулках летними вечерами, написанное ранней весной, схожее по духу и стилю со стихотворением Виктора Гюго о прогулках на рассвете к могиле дочери. В отличие от Гюго Рембо позволял себе отвлекаться на свое тело:

⁹⁰ Iz, 40.

В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росой.

Не буду говорить и думать ни о чем –
Пусть бесконечная любовь владеет мною, –
И побреду куда глаза глядят путем
Природы – счастлив с ней, как с женщиной земною⁹¹.

Это крошечное стихотворение, которое разрастается, словно мираж в море молчания, является значительным достижением французской поэзии середины XIX века, необычный побег от глухого стука риторической техники. Тема блаженного беспамятства, кажется, подтверждает утверждение Изамбара о том, что Рембо писал стихи, чтобы отдохнуть от ежедневного рутинного школьного однообразия⁹², но самое удивительное в этих ранних стихах – их автобиографичность. Рембо относился к французской поэзии как к личному будуару, облачаясь в разные жанры, отслеживая свое развитие в зеркалах других поэтов.

Главным источником моделей Рембо была престижная антология под названием *Le Parnasse contemporain* («Современный Парнас»), которая впервые появилась в 1866 году. Она публиковалась частями, некоторые из которых Рембо удалось контрабандой пронести в секретное хранилище на чердаке.

В истории литературы поэты-парнасцы представляли собой рассеянное созвездие звезд низшей величины, с которыми короткое время были связаны растрепанные кометы и ослепительные сверхновые – Гюго, Бодлер и Малларме. Его можно рассматривать как реакцию на провал романтического социализма в июне 1848 года и последующее торжество буржуазной Второй империи. Его девизом было «бесстрастность» – в противоположность «вдохновению». Строгое совершенство формы считалось гарантией эстетического превосходства. Темы, как правило, бывали экзотическими и удобно аполитичными. Отчасти именно это неприятие современности придает выверенным красотой стихам признанного лидера школьной литературы Леконта де Лиля навязчивую скуку. Но как только появились хитрые подделки Рембо, суровые склоны «Парнаса» резко выступили из загадочного болота подавляемых эмоций.

Привязанность к правильности формы имела очевидную привлекательность, как для школьника, который пользовался школьными упражнениями, так и для поэта, который хотел попробовать себя в различных ипостасях. К тому же это был случай, когда все, кто хотел увидеть свои работы опубликованными в известном литературном обозрении, должны приложить все старания, чтобы по возможности звучать как парнасец. Точно так же, как *Les Étrennes des orphelins* («Подарки сирот к Новому году») были подготовлены в качестве приманки для «Журнала для всех», *Credo in unam* («Верую в единую...») было создано, чтобы войти во второй том *Le Parnasse contemporain*, в настоящее время приближающегося к публикации своей последней части.

Credo in unam (в дальнейшем переименованное в «Солнце и плоть») было длинной, восторженной одой на популярную тему языческого золотого века, когда «был счастлив Человек», «блаженно припадая» к «святой груди» Природы:

И, лежа на лугу, вы чувствуете вновь,

⁹¹ Перевод Б. К. Лившица. Цит. по книге: *Рембо А. Пьяный корабль: [стихотворения]* / Артю Рембо; [пер. с фр.] СПб.: Амфора. ТИД Амфора; М.: ИД Комсомольская правда, 2011. 239 с.: ил. (Серия «Великие поэты»). С. 10.

⁹² *Iz*, 63.

Что расцвела земля и что бурлит в ней кровь,
Что дышит грудь ее, когда вы к ней прильнете;
Она, как женщина, сотворена из плоти,
Как бог, полна любви; и соками полна,
Таит кишение зародышей она.

Этот дохристианский рай противопоставляется современному веку с его «рабством грязным»:

Уродлив человек, и дни его печальны,
Одежду носит он, поскольку изначальной
Лишился чистоты. Себя он запятнал,
И рабству грязному надеть оковы дал
На гордое свое, божественное тело.
На тьму грядущую взирая оробело,
Он хочет одного: и после смерти жить...

Рембо послал свое стихотворение не возвышенному Леконту де Лилию, а благодушному представителю «Парнаса», Теодору де Банвилю, который любил молодых поэтов, публикуемых в либеральной прессе, и был близким другом Бодлера. Рембо утверждал, что ему семнадцать лет (ему было лишь пятнадцать с половиной), и приложил свою «Офелию» и стихотворение о летних вечерах. Письмо, искрящееся подростковым энтузиазмом и типично журналистскими недомолвками, датировано 24 мая 1870 года. Почерк ровный, но с изящными завитушками:

«Через два года или, возможно, через год я буду в Париже. *Anch'io*, господа из прессы, я буду парнасцем!⁹³ Я чувствую, что есть во мне нечто... что хочет подняться. Я клянусь, дорогой мэтр, что всегда буду поклоняться двум богиням – Музе и Свободе.

Пожалуйста, не воротите нос от этих строк... Вы доставили бы мне невероятную радость и дали надежду, если бы, дорогой мэтр, вы смогли найти *Credo in unam* небольшое местечко среди парнасцев... Появись я в последнем выпуске «Парнаса», это стало бы *Credo* поэтов!.. О, безумное честолюбие!»

Затем он переписал свои стихи и, прибегнув к олимпийскому стилю Виктора Гюго, сделал последнее обращение в постскриптуме:

«Я неизвестен, какое это имеет значение? Все поэты – братья. Эти строчки верят, любят, надеются, – и этим все сказано.

Дорогой мэтр, помогите мне. Поддержите меня немного. Я молод. Протяните мне руку!»

Банвиль сохранил стихи и, наверное, послал вежливую записку ободрения, но для неизвестного провинциального школьника в «Современном Парнасе» места не нашлось.

Рембо был неустрашим. В любом случае его стихотворчество показало, что он уже перерос парнасцев. Строки в духе: «Из материнских недр, подобно обезьянам / Мы вырвались на свет...»⁹⁴ совсем не те, которых ждут от румяного молодого поэта. Изамбар был почти встревожен своим восхищением. «Школа парнасцев забавляла его какое-то время, но – фью! – три месяца спустя он говорил о ней с горечью разочарованного любовника»⁹⁵.

Улучшив собственную технику, подражая парнасцам, Рембо теперь отправился по пути умышленного разрушения, которое повлекло удивительные открытия. Первым признаком его

⁹³ Традиционная ссылка на Антонио Корреджо, увидевшего «Святую Цецилию» Рафаэля: «*Anch'io sono pittore!*» (Я тоже живописец!)

⁹⁴ Перевод В. Б. Микушевича.

⁹⁵ *Iz*, 23–24.

новой манеры в начале лета 1870 года был неправильный, кособокий сонет, в котором идеал парнасцев языческой красоты подвергся отвратительной трансформации. Вместо Афродиты, выходящей из пены, огромная тяжелая женщина «из ржавой ванны, как из гроба жестяного, / Неторопливо появляется... Все тело движется, являя круп в конце, / Где язва ануса чудовищно прекрасна».

Как усы Марселя Дюшана у Моны Лизы, язва Рембо у богини Красоты олицетворяет отход от классического прошлого и конец невинности⁹⁶. Рембо прошел через поэтическое половое созревание с угрожающей скоростью. В июле он представил своему учителю короткий рассказ, который, казалось, принадлежит совсем к другой традиции – традиции, которая бытует не в книгах, а на стенах общественных туалетов. Изамбар нашел ее «детской, глупой и грязной»⁹⁷. Многие издания произведений Рембо опускают его совсем или низводят до приложений.

Un Cœur sous une soutane («Сердце (или, на сленге, «пенис») под сутаной») – это повествование о малодушном молодом священнике, который влюбляется в некую Тимотину – волосатую, плоскогрудую личность, которая подозрительно неженственна. «Я искал вашу грудь напрасно, – пишет рассказчик. – У вас ее нет. Вы презрели эти мирские украшения».

Как и большинство сатирических произведений Рембо, *Un Cœur sous une soutane* («Сердце под сутаной») занимает неоднозначное место. Оно может быть прочитано как легкомысленный фарс, политическая сатира или расценено как саркастическое лечение подростковой сексуальности: «Я уселся на мягкий стул, подумав, что некая часть меня готова впечататься в вышивку, которую Тимотина, наверное, сделала своими руками». «Эти носки, которые я ношу в течение месяца, – говорил я себе, – дар ее любви». Оно также может быть прочитано как префрейдистский анализ языковой группы – псевдорелигиозный жаргон шарлевильских семинаристов и ранних французских романтиков: баб и педерастов, по мнению Рембо, чьи «таинственные испарения» и «нежные зефиры» – симптомы того, что сейчас называют анально-навязчивая идея.

Рембо проверял пределы широты взглядов Изамбара. До сих пор новый учитель казался идеальным старшим братом – тем, кто дарит критику и любовь, не ожидая многого взамен. Будет ли он продолжать быть ему другом, когда заглянет вглубь мозга своего ученика?

Но Рембо размышлял и о своей личности в детские годы: «мелкий ханжа такой-растакой». Стихотворчество дает уму возможность воздействовать на себя. Он уже пересматривает свои первые стихи, подвергая себя лечению пародией. Его аннотированная копия «Современного Парнаса» (которую позже он подарил другу)⁹⁸, показывает, что, вместо того чтобы подражать стихам, которые его восхитили, он был склонен переделывать стихотворения, которые показались ему неуклюжими или бессмысленными. В отрывке ныне забытой мадам Бланшкот строчка «Моя *последняя печаль* (фр. *chagrin*) лежит на мне тяжким бременем...» была заменена на «Мой *последний шиньон*...».

Когда этот прием был применен к его собственным стихам, тот же прием вызвал своего рода мгновенную оригинальность: даже самая слабая строфа обрела звучание, похожее на внезапное озарение. «Прекрасные летние вечера» становятся «сапфиром сумерек», в то время как «цветущий лотос» в *Credo in unam* («Верую в единую») превратился в таинственный «болтливый лотос». Эти маленькие уловки являются серьезными предвестниками новой эстетической эры, когда финальное произведение возникает из уничтожения предыдущих черновиков, нелепых и пробуждающих воспоминания.

⁹⁶ Friedrich, 82.

⁹⁷ Izambard to Coulon: Mouret, 76. О коннотациях слова «cœur»: S. Murphy's edition, 93–95.

⁹⁸ Mouquet (1933, 1946).

В школе Рембо тоже становится почти опасным знатоком. Апрельский выпуск «Вестника среднего, специального и классического образования» 1870 года был практически целиком посвящен Артюру Рембо. В нем содержатся четыре его произведения. Одним из них был дерзкий перевод на французский отрывка из Лукреция – дерзкий, потому что Рембо взял новый перевод *De natura rerum* («О природе вещей»), выполненный парнасцем Сюлли-Прюдомом, скопировал соответствующий пассаж, улучшил его несколькими сделанными со вкусом изменениями и вручил в качестве собственной работы, тем самым насмехаясь над своими учителями, заслужив тем не менее их похвалу. Плагиат оставался незамеченным до 1932 года.

Другая заметная работа была криминальной в ином смысле: латинская адаптация французского текста об Иисусе в мастерской отца. Указанный отрывок с напускной скромностью сравнивает кровь от тривиальной раны в столярной мастерской с кровью Страстей. Версия Рембо была названа «благочестивой», «безупречной» и «поучительной»⁹⁹. На самом деле, как показал Джордж Такер, она демонстрирует поразительное чутье сексуального подтекста на латыни. Иисус Христос работает тяжелым рубанком до тех пор, пока не забрызгивает себя кровью, и получает любящее внимание своей матери¹⁰⁰.

Здесь, как и в «Сердце под сутаной», существует тонкая грань между пародией и самоанализом. Даже если Рембо забавлялся, представляя страстные кровосмесительные отношения между Девой Марией и ее сыном, он также экспериментировал с хаотической силой языка: несколько неясностей – и вся картина может измениться, как пейзаж, который заволочло туманом. Возможно, он начал размышлять о тайной любви своей матери. Очень жаль, что Эрнест Делаэ вспомнил только первую и последнюю строки биографического стихотворения Рембо, которое тот показал ему в 1870 году:

Брюнетка, ей было 16 лет, когда она вышла замуж.

.....

Ибо она страстно любит своего 17-летнего сына¹⁰¹.

Теперь мадам Рембо поняла (цитируя «Семилетних поэтов»), «что в голубых глазах и подо лбом с буграми / Ребенок, сын ее, скрыл отвращения пламя». Однажды его подвели меры безопасности, и обнаружился компрометирующий предмет. 4 мая 1870 года она написала письмо к месье Изамбару:

«Месье.

Я чрезвычайно признательна вам за все, что вы делаете для Артюра. Вы даете ему щедрые советы и дополнительные внеклассные задания. На подобное внимание мы не имеем никакого права.

Но есть нечто, чего я не могу одобрить, например, чтение книг, вроде той, что вы дали ему несколько дней назад («Отверженные» *V. Hugot* [sic! – Гюгота]). Вы должны знать лучше меня, месье, что следует проявлять большую осторожность в выборе книг, которые должны быть предложены детям. По этой причине я полагаю, что Артюр, должно быть, взял эту книгу без вашего ведома. Было бы, конечно, опасно разрешать ему подобное чтение».

«Отверженные» были «опасны», поскольку, как мадам Рембо напомнила Изамбару на встрече, организованной директором, Виктор Гюго был врагом церкви и государства, кото-

⁹⁹ Fontaine, 9; EM, 34.

¹⁰⁰ Tucker.

¹⁰¹ D, 37.

рое, как и положено, выдворило его из Франции¹⁰². Поскольку «Отверженные» были в списке запрещенных книг, она, наверное, не читала эту книгу, иначе бы знала, что главный герой был беглым каторжником, ничем не отличающимся от бродяги дяди Шарля.

Но останавливать разложение стало слишком поздно. У Артюра уже вошло в привычку разговаривать с незнакомыми людьми, которых он встречал по дороге, – землекопами, рабочими каменоломен и бродягами. Даже когда они были пьяны, говорил он Делаэ, они ближе к природе и, поистине, более интеллектуальны, чем образованные лицемеры его собственного класса¹⁰³. Это были люди, которые, как капитан Рембо, могли отправиться в путь и больше не вернуться.

Как видно из отрывков «Одного лета в аду», эти западные кочевники стали для Рембо ролевыми моделями и настойчиво занимали его фантазии.

Его мать была, очевидно, права в своих опасениях.

«Еще ребенком я восхищался несговорчивым каторжником, – пишет Рембо, – которого всегда ожидали оковы; меня тянуло к постоянным дворам и трактирам, где он побывал: для меня они стали священны. *Его глазами* я смотрел на небо и на расцветающую в полях работу; в городах я искал следы его рока. У него было больше силы, чем у святого, и больше здравого смысла, чем у странствующих по белу свету, – и он, он один, был свидетелем славы своей и ума».

Мадам Рембо была не одинока в опасениях губительных влияний. 19 июля 1870 года правительство Наполеона III воспользовалось незначительным предложением и объявило войну Германии. Победа, как предполагалось, будет стремительной и всеобщей. Вся страна, в том числе и недовольные республиканцы, мысленно объединятся в состоянии войны, уверенные в своей правоте. Империя будет спасена.

В то лето жители города Шарлевиля стояли на порогах, подбадривая храбрых солдат, когда те отправлялись на фронт за победой с криками: «На Берлин!» Брат Фред вдохновился пойти и выпить пива за счет врага. Он двинулся в путь не попрощавшись. Несмотря на несовершеннолетие, Фредерик умудрился поступить в полк и провел следующие несколько месяцев, попав в ловушку прусской армии в Меце¹⁰⁴.

Артюр облил своего милитаристского брата презрением. Он уже отказывался носить новую военизированную школьную форму, и, когда его товарищи-соученики пафосно заявили о своем намерении пожертвовать деньги от продажи призовых книг на военные нужды, отказался участвовать в этой затее¹⁰⁵. Это был серьезный удар, поскольку Рембо был единственным учеником в своем классе, который завоевывал награды. Он тем не менее согласился продать свои книги предложившему наивысшую цену.

Для Рембо этот простодушный шовинизм был общенациональной эпидемией ограниченной провинциальности. Любой поэт, казалось ему, должен быть против империи. Поэтому Делаэ удалось завоевать его доверие, когда тот пересек бельгийскую границу, вошел в кафе и заучил наизусть отрывки из последних *La Lanterne* («Фонарь»)¹⁰⁶ – карманного журнала с кроваво-красной обложкой, который был запрещен во Франции из-за подстрекательства к мятежу и изображения Наполеона III карикатурным идиотом. «Фонарь» издавал Анри Рошфор, который жил в Брюсселе в доме Виктора Гюго: доказательство того, что романтическая литература может по-прежнему бросать бомбы в правящую элиту.

¹⁰² Изамбар (Izambard (59–60) говорит, что книга была Notre-Dame de Paris («Собор Парижской Богоматери»).

¹⁰³ D, 277–278.

¹⁰⁴ D, 32–33.

¹⁰⁵ D, 176–177; Goffin, 22–23.

¹⁰⁶ D, 71.

Книжные лавки Шарлевиля были плохим источником подрывной литературы. Рембо вооружился своим талантом и написал дерзкое песенное стихотворение о ласках мальчика и девочки *Trois baisers* («Три поцелуя»), которое он послал в беспощадный сатирический журнал *La Charge*. Стихотворение было напечатано 13 августа 1870 года и принесло ему бесплатную подписку¹⁰⁷.

Когда объявили войну, он добавил тупой жаргонной риторики республиканской пропаганды в свой литературный арсенал и посвятил два стихотворения *Le Forgeron* («Кузнец») и *Morts de Quatrevingt-douze* («Французы, вспомните, как в девяносто третьем...») героям Французской революции, этим «ста тысячам мертвецов с глазами Иисуса»¹⁰⁸.

Поскольку, казалось, было предreshено, что Франция разгромит врага в течение нескольких недель и консолидирует империю, эти стихи вряд ли были кратчайшим путем к литературной карьере. Но когда он в конце концов добрался до Парижа, – первое, что он намеревался сделать, как он говорил Изамбару, даже если это означало «умереть под грудой камней» по дороге, – войти в идеальное общество «братьев» поэтов. Оно, несомненно, примет его за того, кем он был.

Учебный 1869/70 год закончился в блеске и нищете. Рембо снова был первым в региональном экзамене на этот раз с произведением под названием «Санчо Панса оплакивает своего мертвого осла» (не опубликованным из-за войны и ныне утраченным). Награждение 6 августа было в значительной степени делом местной буржуазии, приветствующей Артюра Рембо овациями. Но Изамбара не было там, чтобы увидеть, как его ученик усмехается этим аплодисментам. Он уехал 24 июля в дом своих тетюшек в Дуэ. Рембо был в предвкушении долгого и иссушающего лета.

К счастью, Изамбар сказал Владельцу, чтобы тот давал Рембо ключ от его квартиры. Каждый день он отправлялся посидеть в бассейне книг Изамбара, словно запекшаяся губка. К тому времени, когда он написал своему учителю 25 августа, он впитал в себя всю библиотеку и уже перечитывал книги, которые не показались ему особенно интересными с первого раза.

Стремительность, с которой читал Рембо, как правило, скрывает то стремление обрести энциклопедические знания, которое литературно роднит его с Бальзаком. Идея была не в том, чтобы постепенно накапливать знания, а в том, чтобы поглотить и переварить все как можно быстрее, даже если это закончится отрыжкой и несварением. Несколько недель спустя он нашел идеальный образ для своей работы в эссе Монтеня и стал декламировать его всем, кто хотел слушать:

«Поэт, сидящий на треножнике Муз, яростно изрыгает все, что входит в его уста, как фонтанная горгулья, и нет спасения от него вещам, иным по цвету, антивеществу и прерванному потоку».

Этому было дано хорошее описание в его письме к Изамбару. Конверт был помечен: «Очень спешно».

«Месье.

Вам повезло, что вы больше не живете в Шарлевиле! Мой родной город не уступает по глупости всем остальным провинциальным городкам¹⁰⁹. Больше я не питаю никаких иллюзий на этот счет. [...] Это ужасное зрелище, когда ушедшие на покой бакалейщики нацепляют на себя военный мундир. Удивительное зрелище представляют собою все эти нотариусы, стекольщики, сборщики податей и краснодеревщики – все эти пузаны, *натриолирующие [qui font du*

¹⁰⁷ *Œuvres complètes* (1946), 629–630. Позднее озаглавленные 'Première soirée'.

¹⁰⁸ Данные Изамбару (Izambard) накануне объявления войны (т.е. 18 июля: cf. Iz, 63).

¹⁰⁹ «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля». Матф. 2: 6. – *Авт.*

patrouillotisme] ворота Мезьера. Мое Отечество поднимается на дыбы! Лично я предпочитаю видеть его сидящим. Не взбалтывай себя – вот мой девиз.

Я дезориентирован, болен, раздражителен, глуп и растерян. Я мечтал о солнечных ваннах, бесконечных прогулках, отдыхе, путешествиях, приключениях – цыганщине. Я особенно надеялся на некоторые газеты и книги. Ничего! Абсолютно ничего! Почта прекратила доставку книгопродавцам. Париж действительно обращается с нами как с убогими: ни одной новой книги! Смерть! Что касается газет, я унился до почтенного *Courrier des Ardennes* («Арденнского вестника»). [...] Он суммирует стремления, желания и мнения населения. Можете себе представить! Убийственно потрясающе!.. Изгнанники в собственной стране!!!»

После эмоционального изображения этой картины разочарования Рембо скопировал большой отрывок вязко сентиментального стиха Луизы Зайферт о бездетной молодой женщине. Одна строка была отмечена его восхищением: «Жизнь моя в восемнадцать лет уже имеет целое прошлое». «Это столь же красиво, как плач Антигоны у Софокла», – прокомментировал юный эрудит. (На самом деле он нашел это высказывание в предисловии редактора и скопировал его слово в слово.)

Он также успел прочитать «весьма странную и забавную» книгу стихов молодого парнасца, Поля Верлена – поэта, который не боится нарушать давно установленные правила французского стихосложения. *Fêtes galantes* («Галантные празднества») Верлена содержали первый пример, который когда-либо видел Рембо, александрийского стиха, в котором цезура захватывала слово – аналогично внезапному мимолетному изменению в тактовом размере¹¹⁰. Странные вещи происходят в литературной столице...

«*Au revoir*. Пришлите мне 25-страничное письмо, – *poste restante* (до востребования) – и сделайте это живее!
А. Рембо».

Загадочный постскрипtum намекал на какую-то эскападу: «Скоро буду посылать вам откровения о жизни, которую я собираюсь вести... после каникул...»

День или два спустя Рембо собрал несколько книг и отнес их к торговцу подержанными книгами. На этот раз вместо того, чтобы обменять их на новые, он попросил наличные и вернулся домой, загадочный и полный решимости.

Между тем ушедшие на покой бакалейщики Шарлевиля стали проявлять все меньше энтузиазма по поводу их «патриолирования». Отступающие вразброд солдаты входили в город, выжившие в самой неумелой военной кампании в современной истории Франции. Шарлевильский коллеж был превращен в госпиталь. Погода была хорошая, но слышались отзвуки далекого грома. В 18 километрах к востоку, в Седане, больной Наполеон III смотрел на прусскую артиллерию через дымку ружейных выстрелов и опиума. Его прекрасная армия была разбита. На шарлевильском вокзале путешественников информировали о том, что на юге пруссаки разобрали пути. Все желающие попасть в Париж должны сесть на поезд, идущий в обратном направлении до Шарлеруа (Бельгия), и затем пересесть на линию Сен-Кантен.

31 августа, в то время как мадам Рембо сидела у окна, глядя на грязные улицы в состоянии сдержанной паники, поезд из Шарлеруа пересекал равнины Северной Франции. В вагоне третьего класса маленький мальчик прятался под сиденьем, наблюдая за контролером, проверяющим билеты. На свои последние франки он купил билет до Сен-Кантена, но поезд миновал станцию Сен-Кантен несколько часов назад. Теперь он достиг «военной зоны», где дороги были запружены повозками семейств, оставивших свои деревни врагу и держащих путь на запад.

¹¹⁰ Строчка Верлена «*Et la tigresse épou vantage d'Hyrcanie*» из стихотворения *Dans la grotte* («В пещере») выглядит оскорблением правилу стихосложения, согласно которому в гекзаметре после шестого слога идет пауза: О, как вы мучите сердца! Умру пред вашими ногами. Тигрицу Гиркании сравнивая с вами, Скажу: ты – кроткая овца! (Пер. Ф. К. Сологуба). – Авт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.